

О ПРОТЕКЦИОНИЗМѢ ВЪ РОССИИ *).

I.

Въ международныхъ отношенияхъ государствъ и во внутреннемъ ихъ устройствѣ дѣла торговой политики имѣютъ, безспорно, важное значеніе: ими опредѣляется степень взаимнаго сближенія, слѣдовательно, взаимной помощи между народами, и мѣра самодѣятельности и энергіи каждого изъ нихъ въ кругу его внутреннихъ сношений. Неудивительно, поэтому, что, сознательно или безсознательно, всѣ правительства, всѣ образованные люди обращаютъ особенное вниманіе на эту сторону народной дѣятельности и стараются придать ей возможное развитіе.

Но стараніе не всегда равносильно достижению желаемыхъ результатовъ, и исторія представляетъ много примѣровъ благихъ попытокъ, принесшихъ печальные плоды.

Что же мѣшаетъ удовлетворительному решенію вопросовъ подобного рода? Что дѣлаетъ общественные начинанія безуспѣшными и часто вредными, даже при безспорно чистыхъ побужденіяхъ и энергическомъ проведеніи ихъ? Говорятъ, недостатокъ предварительного ихъ изученія и фактovъ, которые могли бы служить имъ основою и подкрѣплениемъ. Полагаютъ, что, разобравши подробно предметъ, можно изъ него самого извлечь такія указанія, которыя дадутъ возможность исправить недостатки положенія вещей и обеспечить правильный ходъ дѣлъ въ будущемъ.

---

*.) Статьи эти, помѣщенные въ газетѣ «Голосъ», мы считаемъ не лишенными приложить къ нашимъ лекціямъ по общности ихъ содержанія и для уясненія трактуемаго въ нихъ предмета.

Признавая вполнѣ важность и значеніе фактическаго изученія и дробнаго изслѣдованія, какъ общественныхъ, такъ и всякихъ другихъ вопросовъ, мы полагаемъ, однако, что для рѣшенія ихъ нужно нечто болѣе. Это нечто, по нашему мнѣнію, есть *принципъ дѣйствія*, основанный на правильной теоріи и подкрепленный разумно-понятою практикою. Дѣйствія безъ принципа—то же, что дѣйствія безъ ума и сознанія: шуму и ломки много, но дѣла мало, и растрата силъ огромная.

Но эти принципы нельзя извлечь изъ одного только даже самаго отчетливаго разбора фактovъ, какъ нельзя извлечь начала пароваго или электрическаго двигателя изъ разбора и изслѣдованія всѣхъ арбъ, телегъ, членовъ и т. под., существующихъ въ странѣ. Принципы эти кроются въ знаніи, въ наукѣ, представляющей освященные опытомъ вѣковъ и усилиями передовыхъ умовъ выводы изъ фактovъ, выводы проверенные, сравненные между собою и связанные единствомъ мысли, органическою, живою связью ума. Изъ науки выходили и выходятъ всѣ требованія и улучшенія прогрессирующего человѣчества, и безъ нея самыя усиленныя старанія остаются безъ успѣха. «Намъ не нужно теоріи! намъ надоѣла она!» говорятъ почтенные противники наши; но они забываютъ, что это равносильно тому, какъ еслибы они сказали: «Намъ не нужно ума! намъ надоѣло знаніе!» Правда, бываютъ люди и общества, которые готовы сказать даже и такія фразы; но это—люди отживающіе, это общества падающія. Однакожъ, вѣдь и они безъ ума и знанія, безъ теоріи не обходятся; только этотъ умъ, знанія, теорія—застоявшіяся, рутинныя, вышедшия изъ старыхъ фактovъ, непримѣнимыя къ современности. И Китай имѣеть свои принципы; они тверды и въ Японіи. И въ томъ и въ другой изслѣдываются и подробно изслѣдываются факты; но въ нихъ неѣтъ науки, ложна теорія, и оттого неблистательные результаты представляетъ ихъ состояніе.

Но знаніе фактovъ, говорятъ, необходимо для правильной теоріи. Кто же въ этомъ сомнѣвается? Только какихъ фактovъ и какое знаніе? Чтобы устроить машину или исправить ее, нужно ее изучить, изслѣдовать материалы, входящіе въ ея устройство, издержки на ея постановку и т. п.; но нужно, *прежде всего*, знать механику въ достаточномъ размѣрѣ; нужны капиталъ и трудъ, безъ которыхъ невозможна работа. То же самое и въ дѣлѣ общественнаго устройства, и въ дѣлѣ торговой политики: нужно знаніе промышленныхъ и торговыkhъ обстоятельствъ страны, нужно добросовѣстное изслѣдованіе ея экономического состоянія, но нужно, и едва ли не болѣе,

знатъ науку, уясняющую факты подобнаго рода, нужно усвоить себѣ принципы, которые могли бы служить руководною нитью для дѣйствій и распоряженій, при правительственномъ вмѣшательствѣ въ экономическая дѣйствія гражданъ.

Всѣ эти мысли, за изложеніе которыхъ мы просимъ извиненія у читателей, пришли намъ въ голову при сужденіи о дальнѣйшемъ ходѣ и судьбѣ нашей торговли, возбужденныхъ известною запискою о торговомъ договорѣ между Таможеннымъ (немецкимъ) Союзомъ и Россіей, запиской, которая здѣшнею высокопатріотическою биржею названа даже непрошенымъ вмѣшательствомъ въ чужія (наши) дѣла, какъ будто можно кому бы то ни было запретить «свое сужденіе имѣть», и какъ будто совсѣмъ, или мысль, выраженные не обязательно, могутъ быть названы когда-нибудь вмѣшательствомъ.

Въ этой запискѣ указываются нѣкоторые недостатки нашего иностраннаго и внутренняго торговаго законодательства, нѣкоторые ненормальные, болѣзненные признаки. Отрицать ихъ, отвергать ихъ не выгоду, болѣшею частью, не рѣшались и тѣ, которые высказывались по поводу ея въ разныхъ смыслахъ; но мѣры врачеванія противъ этого положенія не всѣми были указаны одинаково. Большею частью эти мѣры предоставлялись самому больному; утверждали, что онъ-де лучшій судья своей болѣзни; медицина—немецкое, немцамъ только выгодное дѣло, и лекарство, латинская кухня—дрянь... Какъ это напоминаетъ нашихъ бѣдныхъ, темныхъ деревенскихъ больныхъ, и какъ приемы нашихъ протекціонистовъ напоминаютъ знахарей, лечащихъ болѣзнь патріотическими заговорами, теплой вѣрой въ чудесное и гоненіемъ предписаній науки! Нѣтъ, признавъ болѣзнь органическаго разстройства, нужно искать лекарствъ серьѣзно не въ старыхъ преданіяхъ прошлаго застоя, а въ томъ, въ чемъ находитъ исцѣленіе подобныхъ недуговъ остальное человѣчество: въ признаніи началъ, въ указаніи цѣли, къ которой идти можно хоть и медленно, но твердо, безъ ломки, но и безъ уступокъ.

Въ другихъ сферахъ нашей народной жизни эти начала уже признаны и въ полномъ ходу...

Вообще же начала общественнаго устройства, несмотря на различныя ихъ примѣненія, гораздо тѣснѣе связаны между собою, не жели какъ это кажется съ первого взгляда и какъ полагаютъ многие изъ такъ-называемыхъ практическихъ людей. Допустивъ начало гражданской личной свободы въ обществѣ, необходимо допустить въ немъ и свободу экономическую, потому что эта свобода составляетъ только одну изъ формъ того же гражданскаго быта. Наше

общество находится именно въ такомъ положеніи теперь, когда двадцатимиллионное населеніе, лишенное прежде гражданскихъ правъ, получило ихъ отъ щедротъ верховной власти. Экономическая свобода, право полнаго распоряженія своимъ трудомъ и пользованія его плодами должны слѣдовать затѣмъ, какъ слѣдуетъ равноправность суда и политического положенія, и въ этомъ отношеніи никакія отдѣльныя положенія, никакіе факты не могутъ отстранить коренного измѣненія въ торговой политикѣ нашей, какъ съ паденіемъ феодализма не могли удержаться въ силѣ промышленныя корпораціи.

Въ настоящее время еще почти вездѣ имѣютъ законную силу и офиціальную поддержку начала протекціи; но не надо быть пророкомъ, чтобы предвѣщать имъ измѣненіе. Въ самомъ дѣлѣ, что такое торгово-промышленная протекція, какъ не жившее въ обществахъ старого образованія начало обособленія интересовъ? Въ былое время разъединенія и противодѣйствія несплоченныхъ единствомъ сознанія народныхъ силъ, общество и не могло иначе держаться, какъ искусственной организаціей. Господствующія сословія считали своею обязанностію держать вдали отъ власти другія сословія; но, взамѣнъ того, они предоставили имъ выгоды материального производства и эксплуатацію потребителей. Дворянинъ-рыцарь не смѣлъ заниматься промысломъ безъ опасенія лишиться своихъ родовыхъ правъ, какъ не смѣлъ мѣщанинъ носить оружіе.

Образованіемъ сильныхъ государствъ централизація власти разрушила это устройство; но измѣненные формы долго еще сохранили тотъ основный духъ, которымъ были проникнуты при своемъ появленіи, и это очень естественно, потому что въ исторіи, какъ и въ природѣ, ничто, чemu суждено жить и развиваться, не является и не измѣняется внезапно, и развитіе состоить именно въ постепенномъ переходѣ отъ однѣхъ формъ къ другимъ, болѣе совершеннымъ. Взамѣнъ изжитаго цехового устройства, какъ общей формы европейскаго быта, явилась промышленная протекція, представляющая тоже начало въ болѣе совершенныхъ формахъ. Правда, она болѣе не связываетъ личностей въ замкнутыя группы, не ограничиваетъ ихъ свободы узкими рамами городского устройства и мѣстныхъ обычаевъ; но, тѣмъ не менѣе, она своимъ вмѣшательствомъ раздѣляетъ интересы производителей и потребителей, давая предпочтительное положеніе однѣмъ промышленностямъ передъ другими, и, взамѣнъ цеховыхъ мастеровъ, творить сословіе фабрикантовъ, въ которыхъ думали видѣть среднее сословіе, но которые стремятся повсемѣстно

къ высшей, если не политической, то къ болѣе глубокой—финансовой власти въ государствѣ.

Эксплуатація потребителей она пріискала теоретическую опору, которая позволяла ей жить и крѣпнуть при новыхъ понятіяхъ, благодаря слабости истинно-научныхъ началъ и недостаточности общественного экономического развитія.

Такая эксплуатація протекціонизма не личная; но она часто ставить цѣлія населенія въ положеніе приписныхъ къ производствамъ. Это особенно замѣтно у насъ, гдѣ потребности различныхъ классовъ населенія раздѣлены между собою огромной пропастью, и гдѣ образованію протективной системы предшествовалъ иной порядокъ вещей, нежели на Западѣ. Тамъ эта система явилась, какъ облегченіе противъ тяжелыхъ формъ старого времени—у насъ, какъ нэовведеніе, неимѣющее прямыхъ корней въ исторіи.

Естественно, что и относительные результаты ея въ обоихъ случаяхъ были различны, особенно у насъ: они еще болѣе обозначились отъ особенностей нашего сословнаго положенія. Для нашей охранной системы нужно было создать промышленность, которая почти не существовала до тѣхъ поръ внутри страны и которая не слишкомъ явно нарушала бы уже образовавшіеся и окрѣпшіе интересы. Такая промышленность явилась въ производствѣ предметовъ роскоши, недоступныхъ массѣ населенія, но дающихъ блескъ и получающихъ достаточное питаніе въ достаткахъ господствующаго сословія. Почти вся наша фабричная промышленность обращена на него, и даже теперешняя московская выставка, сколько можно судить по отзывамъ кореспондентовъ, представляетъ такой же характеръ. Ковры, бархатъ, серебро блещутъ на этой выставкѣ; но не блещетъ дешевизна—а это главное условіе для широкаго, нормального потребленія. Что же это значитъ предъ научнымъ анализомъ? Не есть ли это свидѣтельство того, что наша фабричная промышленность, по тѣмъ предметамъ, которые охраняются тарифомъ, не составляетъ вполнѣ народнаго достоянія, что она разсчитана на потребителей исключительныхъ, на классъ болѣе развитой и болѣе достаточный, который у насъ, увы! еще весьма малочисленъ?

Дѣйствительно, значительнѣйшая часть нашего населенія, наше простонародье, довольствуется болѣею частію продуктами своего домашняго, грубаго издѣлія; по своей неразвитости и дороговизнѣ фабрикатовъ (способствующей этой неразвитости), оно еще не знаетъ даже употребленія носовыхъ платковъ; потребляютъ же продукты охраняемой промышленности почти исключительно высшіе классы на-

шего населенія. Но мы знаемъ, въ какомъ положеніи находятся теперь эти классы: жалобы на безденежье слышатся громко изъ среды ихъ. И если эти жалобы дѣйствительно справедливы, что же будетъ съ нашимъ производствомъ и нашимъ потребленіемъ? Поневолѣ придется обратиться къ обработкѣ предметовъ общаго потребленія, предметовъ *дешевыхъ*, несовмѣстимыхъ съ тарифною протекціей. Экономическія соображенія должны, поэтому, привести къ ея устраненію; но еще болѣе въ глазахъ тѣхъ, которые имѣютъ очи, чтобы видѣть, должны привести къ тому соображенія политической, правильно понимаемыя.

II.

Система торговли, составляя продуктъ извѣстныхъ экономическихъ убѣжденій, раздѣляемыхъ правительственною властью и проводимая ея официальными распоряженіями, необходимо имѣеть political character. Такой характеръ еще усиливается тогда, когда, не вникая въ сущность и важность мѣны, на факты торговли смотрятъ, какъ на нечто второстепенное и стараются подчинить ее постороннимъ вліяніямъ, расчетамъ иного порядка, дѣлаютъ изъ нея орудіе цѣлей, часто противоположныхъ ея природѣ. При такомъ взглядѣ на торговлю и при такомъ съ нею обращеніи, разумѣется, нельзя ожидать удовлетворительныхъ результатовъ и правильнаго развитія общественнаго устройства, котораго она составляетъ только одну изъ сторонъ. И дѣйствительно, мы видимъ изъ исторіи, что народы ослабѣвали и падали отъ ложныхъ началъ, принятыхъ ими для руководства въ дѣлѣ управления мѣнной. Не говоря о внутренней торговлѣ, свободный и безопасный ходъ которой признается безспорно всѣми, какъ государственная необходимость и первое условіе правильной общественной жизни, и относительно которой правительственные мѣры носятъ характеръ преимущественно полицейскій и административный, опредѣляемый внутреннею политикой страны, мы можемъ легко доказать это изъ фактовъ исторіи вѣщнихъ, международныхъ торговыхъ сношеній. Можно сказать, что народы понимали и цѣнили выгоду этихъ сношеній и старались расширять ихъ и поддерживать, по мѣрѣ своего собственного развитія. Тѣ изъ народовъ, которые остановились на низшей степени развитія, почти преслѣдовали международную торговлю, какъ мы видимъ у древнихъ египтянъ, и еще теперь можемъ наблюдать на крайнемъ Востокѣ, въ Китаѣ и Японіи. Тѣ народы,

которые вышли изъ узкихъ рамъ патріархального развитія, но остановились на границахъ развитія сословнаго, даже покровительствовали внѣшней торговлѣ, но старались обратить ее въ орудіе для государственныхъ цѣлей сообразно тому, какъ онѣ опредѣлялись господствовавшимъ въ правительствеъ взглядомъ. Такъ меркантилизмъ представляетъ постоянное усиленіе достигнуть въ дѣлѣ торговли того, что казалось идеаломъ стремленія государственного въ политикѣ вообще, то-есть господства, преобладанія надъ другими народами, путемъ извлеченія изъ нихъ, изъ ихъ силъ и естественныхъ богатствъ, возможной выгоды, безъ равносильного оказыванія услугъ съ своей стороны. Рядомъ сложныхъ и энергически-проводимыхъ мѣръ, основанныхъ то на насилии, то на обманѣ, думали подчинить и производство и потребленіе всѣхъ народовъ, съ которыми вступали въ торговыя сношенія, разсчетамъ и интересамъ своего государства, или, правильнѣе, преобладающаго въ немъ класса капиталистовъ. Для этой цѣли не жалѣли никакихъ жертвъ, никакихъ усилий: преміи, привилегіи, издержки на обзаведеніе и на защиту производства отъ чужаго соперничества, даже войны—все употребляемо было въ дѣло для достиженія недостижимыхъ результатовъ. Заявляемою цѣлью было достиженіе богатства: но не богатства народа, а казны, не истиннаго богатства, а денегъ, въ которыхъ только и могла нуждаться казна. Мы знаемъ, чѣмъ кончились эти попытки, и не станемъ повторять надъ покойною системой того приговора, который надъ нею давно уже произнесли и здравый разсудокъ и наука, выражавшая его въ приложеніи къ вопросамъ подобнаго рода.

Но если эта система и скончалась, въ ея рѣзкихъ и слишкомъ нелѣпыхъ формахъ, то она еще жива въ убѣженіи многихъ, преимущественно въ странахъ низшаго экономического развитія, гдѣ все-таки боятся вывоза денегъ, хлопочутъ о накопленіи металовъ, вѣрятъ въ торговый балансъ, въ казенное управление промышленности и т. п. Она принимаетъ тамъ только иную форму и иное название, являясь подъ видомъ охранной или протективной (покровительственной) системы. Правда, эта система не заботится уже исключительно о накопленіи денегъ и о казенномъ интересѣ, а стремится, повидимому, къ развитію народныхъ силъ; рядъ запрещеній замѣняется въ ней болѣшимъ или мѣньшимъ стѣсненіемъ торговыхъ сдѣлокъ, какъ-бы временными и т. п.; но въ сущности у нея та же политическая цѣль, такую имѣлъ меркантилизмъ: она также имѣетъ въ виду борьбу съ другими народами и преобладаніе надъ ними.

въ дѣлѣ промышленности, выходя постоянно изъ устарѣлаго принципа, исповѣдуемаго до-сихъ-поръ маститыми политиками, въ родѣ Тьера и Пальмерстона, что взаимная вражда есть естественное состояніе людей и народовъ. Ея не коснулось великое открытие общественной гарантіи, по которой чужие успѣхи не вредятъ, а способствуютъ благосостоянію человѣка и по которой производительныя силы народовъ являются не взаимно противодѣйствующими, а взаимно другъ другу помогающими. Среди глубокаго мира и спокойной трудовой дѣятельности, система охранная является постоянно вооруженою и безпрестанно прискивающею себѣ яблоко раздора, готовою портить и вредить каждому производству внѣ узкихъ предѣловъ собственной територіи и каждому потребленію чужихъ продуктовъ внутри своей страны.

Но какой же можетъ быть политическій результатъ отъ такого противоестественного способа дѣйствія, отъ этого стремленія къ обособленію и къ выдѣленію себя изъ массы производства?

Естественно, онъ долженъ быть тотъ же самый, какій сопровождалъ меркантильную систему, въ степени, на столько болѣе слабой, на сколько слабѣе стремленіе къ обособленію представляется сравнительно съ этой системой въ протекціонизмѣ. Политическое вліяніе меркантилизма известно. Внутри страны онъ производилъ повсемѣстное стѣсненіе сношеній и мѣновыхъ сдѣлокъ, подчиненіемъ ихъ определеннымъ, ограничительнымъ правиламъ и указаніямъ, рождалъ неравномѣрность распределенія народнаго дохода и тѣмъ усиливалъ антагонизмъ сословій, раздѣляя ихъ на привилегированныя и лишенныя привилегій, узаконивалъ эксплуатацию однихъ другими и поддерживалъ ее насильственными средствами насчетъ самого народа. Все это — такія дѣйствія, которыя не могутъ вызвать нашего къ себѣ сочувствія и не могли благодѣтельнѣо дѣйствовать на ходъ народнаго труда и народнаго довольства. Но этимъ зло меркантилизма не ограничивалось: оно едва ли не сильнѣе проявлялось въ его вліяніи на внѣшнія международныя отношенія. Въ стремленіи своемъ къ преобладанію, онъ составлялъ неизсякаемый источникъ вражды, столкновеній и повсемѣстныхъ потерь. Между государствами, болѣе развитыми, онъ производилъ нескончаемая браны, взаимно раздражавшія и деморализировавшія: обманы, подкупъ, шпіонство сдѣлались общимъ правиломъ, вошли въ систему; контрабанда, какъ естественное противодѣйствіе обиженныхъ народныхъ интересовъ, разрушительно дѣйствовала на народную нравственность съ другой стороны; понятіе о народныхъ интересахъ исказилось до крайности;

но верхомъ всего является вышедшая изъ меркантилизма колоніальнаа система съ дѣтищемъ своимъ—рабствомъ, которая стремилась стра-ны новыя, неразвитыя задержать въ вѣчномъ дѣтствѣ, какъ думали, для пользы и славы метрополіи !

Вотъ грустная картина меркантильного вліянія! Продолжительно оно быть не могло, по самому свойству человѣческой природы. Окре-пшіе и развившіеся народы разорвали цѣпи, которыми стѣснялись ихъ внутреннія сношенія, взаимнымъ противодѣйствіемъ остановили обо-юдный напоръ преобладанія и провозгласили систему политического равновѣсія; а возросшія колоніи пришли къ сознанію своего поли-тическаго значенія, выразившемуся въ стремленіи къ отторженію и самостоятельности экономической. Стремленія меркантилизма оказа-лись несбыточною мечтою даже со стороны накопленія денегъ, кото-рыя вытекали чрезъ поры разоренныхъ странъ, по мѣрѣ ихъ иску-ственного привлеченія мѣрами этой системы.

Протектичная система, представляя болѣе смягченныя формы и болѣе логическое построеніе, нежели меркантилизмъ, естественно производить не столь вредные результаты въ политическомъ отноше-ніи; но и она не чужда ихъ въ размѣрахъ, соотвѣтствующихъ со-временному развитію народовъ. Она также производить неравно-мѣрность въ экономическомъ положеніи гражданъ, фактически со-заетъ привилегіи нѣкоторыхъ производителей, стѣсняетъ потребленіе и многія производства, и рождаетъ противоположность интересовъ, антагонизмъ сословій (хозяевъ и рабочихъ) внутри страны, а во вѣнчнихъ сношеніяхъ возбуждаетъ недовѣріе, зависть, вредную ра-страту силъ, стремленіе къ захватамъ и эксплуатаціи. Все это не можетъ не производить вражды и противодѣйствія со стороны другихъ народовъ, и составляетъ источникъ разрушительныхъ политическихъ дѣйствій и предпріятій, поглощающихъ средства, получаемыя пра-вительствомъ охраняемой страны.

Эта невыгодная сторона протекціи, болѣе или менѣе, признается всѣми; но рѣдко кто даетъ себѣ отчетъ въ томъ, до какихъ размѣровъ доходятъ горькие плоды ея, и въ какой степени эта система мѣшаетъ всеобщему миру и спокойствію. Для оцѣнки этого нужно слишкомъ высоко подняться надъ уровнемъ всосанныхъ нами съ колыбели предразсудковъ и удалиться отъ приговоровъ ходачей мудрости практическихъ людей, къ чему способны весьма немногіе. Современемъ, при большемъ развитіи человѣчества, быть можетъ, убѣждается, что эта система покровительствуетъ враждѣ и извращенію

взаимныхъ отношеній гораздо болѣе, нежели даже избраннымъ промышленностямъ.

Но, говорятъ, если эта система и имѣть неудобство вооружать, противъ исповѣдующаго ее государства, другія страны, то, взамѣнъ того, ему самому она придаетъ силу и развитіе, а это стбить нѣкоторыхъ жертвъ и оправдываетъ попытки въ виду достижениѧ цѣли. Къ сожалѣнію, и это утвержденіе лишено всякаго основанія: оно не подтверждается практикой. Покровительственная система не только не даетъ новой силы государству, но отнимаетъ прежнюю, не только не способствуетъ его развитію, а задерживаетъ его. Оставляя пока въ сторонѣ известныя доказательства, изъ области экономической, неотрицаемыя и сторонниками протекціонизма, признающими жертвы народа въ мѣрахъ тарифной охраны промышленности, мы остановимся только на политической сторонѣ вопроса, имѣющейся въ виду при этихъ жертвахъ. Достигается ли съ этой стороны сила и крѣпость государства?

Охранная система, говорятъ, покровительствуетъ народному труду, оберегая интересы туземной фабрикаціи. Но въ государствѣ, сколько-нибудь пространномъ (а въ такомъ только и имѣть смыслъ эта система) трудъ дробится по различнымъ слоямъ населенія и по различнымъ мѣстностямъ. Покровительствовать всѣмъ отраслямъ его, во всѣхъ мѣстахъ, можетъ только свобода промышленности, вольный, возможно-широкій сбытъ и свободная мѣна. Такого покровительства охранная система не даетъ: она покровительствуетъ только нѣкоторымъ производствамъ и нѣкоторымъ мѣстностямъ. Она, напримѣръ, беретъ подъ свою защиту желѣзозаводчиковъ, или полосу шелководства, какія-нибудь подгородныя или портовыя производства, и дѣлаетъ въ угоду имъ тарифныя постановленія. Какое же положеніе, въ отношеніи къ этому покровительству, другихъ мѣстностей, другихъ сословій того же государства? Положеніе обижаемаго, обложенаго въ чужую пользу податью потребленія. Въ одной и той же странѣ равноправность исчезаетъ: селянинъ является истиннымъ данникомъ фабрично-городскаго производителя, лѣсная сторона переплачиваетъ за свои шелки, земледѣльческая и др. за свое желѣзо—покровительствуемымъ мѣстностямъ. Являются попытки къ подобной же эксплуатации и со стороны непользующихся протекціей—и вотъ страна представляеть отношенія враждебныя, если не лично, то общественно-vasальныя, и строй государства не только не крѣпнетъ, но еще слабѣетъ отъ этого. Напрасно полагаютъ, что то же самое было бы вслѣдствіе естественнаго различія силъ и способностей въ раз-

личныхъ слояхъ и мѣстахъ государства. Естественную монополію, какъ законъ неисповѣдимаго провидѣнія, человѣкъ переносить хотя невольно, однако терпѣливо; но, по врожденному чувству, онъ возстаетъ противъ искусственной монополіи, которой возможность избѣжать для него ясна и достижима. Онъ понимаетъ привилегію природы, солнца, почвы, но не понимаетъ привилегіи заставъ и таможень.

Антагонизмъ состояній и мѣстностей при этомъ понятенъ и естественъ. Но этотъ антагонизмъ въ странахъ, гдѣ присоединяются къ нему другіе поводы неудовольствія, можетъ принять, и обыкновенно принимаетъ, иные формы, болѣе рѣзкія и угрожающія часто самому существованію государства. Не разъ уже было высказано, что пролетаріатъ и пауперизмъ составляютъ прямое явленіе меркантильно-протективнаго направленія; но пока немногіе еще замѣтили связь другихъ политическихъ явленій съ торговыми системами. Немногіе останавливались на томъ, что отъ запретительной системы Испанія потеряла свои колоніи, что континентальная система погубила Наполеона, что привилегіи и протекція повели апенинскія государства въ ихъ паденію и т. под. Но современные намъ явленія внутреннихъ раздоровъ и борьбы еще рѣзче высказали значеніе привилегированныхъ системъ. Такъ, громадная распра въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки находитъ себѣ ближайшее объясненіе въ высокомъ протективномъ тарифѣ, который наложилъ-было Сѣверъ, и отъ которого страдалъ Югъ республики. Причину разъединенія силъ Австрійской Имперіи и разладицу политическихъ тенденцій въ ней известный экономистъ Ю. Фоше видѣтъ въ той же причинѣ, и доказываетъ это весьма убѣдительными доводами *). Въ вольно-торговой же Швейцаріи нѣтъ стремленія къ раздробленію; оно почти превратилось уже и въ Великобританіи, съ удаленіемъ торговой прокламаціи...

III.

Несмотря на ясность и простоту политическихъ соображеній противъ покровительственной системы внѣшней торговли, они рѣдко принимаются во вниманіе. Говорятъ, что это вопросъ экономической и

*) Oesterreich und die Handelsfreiheit въ Vierteljahrsschr. für Volkswirthsch. und Kulturgesch. II Jahrg. 4-ter B. 1865.

долженъ рѣшаться только доводами хозяйственными, какъ будто вопросъ государственного хозяйства можетъ быть рассматриваемъ въѣ идеи государственной пользы и государственного развитія, которую и представляетъ политика!

Односторонность въ обсужденіи этого вопроса тѣмъ страннѣе, что на чисто-экономической почвѣ, съ точки зрењія народно-хозяйственной — вопросъ о внѣшней торговлѣ рѣшенъ окончательно въ глазахъ всѣхъ образованныхъ и безпристрастныхъ людей, и защитникамъ протекціонизма приходится только повторять старое безъ всякихъ новыхъ выводовъ и доказательствъ, какъ это дѣлается со всякой рутиной, закрывающей очи и уши передъ новыми фактами и свѣжими мыслями. Доказательство этому мы можемъ видѣть въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ», помѣстившихъ статью въ пользу охранительной системы, по поводу Записки рижскаго биржеваго комитета о торговомъ трактатѣ Россіи съ Германіею. Статья эта упорно стоитъ на тѣмъ, что давно опровергнуто, утверждаетъ то, что давно признано ложнымъ. Она говоритъ, что страны, недостигшія возможности соперничать съ государствами, стоящими на высшей ступени промышленного развитія, *не могутъ братъ* за основаніе для своихъ тарифовъ внѣшнюю торговлю, а должны соображать пошлины съ богатствомъ страны, со степенью развитія въ ней разныхъ отраслей промышленности и съ доходомъ внутренней торговли.»

Изъ этихъ словъ уже видно, что авторъ какъ-то странно и неясно понимаетъ всѣ почти условія народнаго богатства и развитія. Онъ невѣрно понимаетъ соперничество, потому что, какъ видно, полагаетъ возможнымъ соперничать *во всемъ*, забывая, что соперничество можетъ быть только частное: страна, недостигшая возможности соперничать съ другою по шелковой фабрикаціи, можетъ съ нею соперничать по желѣзной, бумажной; уступая въ обрабатывающей промышленности, можетъ соперничать въ добывающей и т. д. (или, можетъ быть, авторъ не считаетъ послѣднюю вовсе за промышленность?). Неясно понимаетъ и внѣшнюю торговлю, и это видно изъ того, что для тарифовъ, т. е. условій веденія *внѣшней торговли*, онъ полагаетъ, что мало развитыя страны *не могутъ (?) брать* основаніемъ — самую внѣшнюю торговлю! Что это значитъ, понять весьма трудно, и это мало объясняется слѣдующими затѣмъ словами, изъ которыхъ только видно, что авторъ полагаетъ, что внѣшняя торговля не находится въ связи съ богатствомъ, промышленностью.

и внутреннею торговлею страны. Напротивъ, мы думаемъ, что всѣ эти условія тѣсно съ нею связаны, и что, обращая вниманіе при тарифахъ на требованія внѣшней торговли, мы тѣмъ самимъ обращаемъ вниманіе и на внутреннія нужды и условія производительности въ самой странѣ, безъ которыхъ внѣшняя торговля немыслима. Дальнѣйшее развитіе автора грѣшить тою же односторонностью. «Благосостояніе страны—продолжаетъ онъ—зависитъ отъ внутренней торговли, развивающейся изъ успѣховъ промышленной и сельскохозяйственной дѣятельности».

Не говоря уже о выраженіяхъ, по которымъ выходитъ, что сельскохозяйственная и торговая дѣятельности не суть промышленныя, мы замѣтимъ, что благосостояніе страны можетъ выражаться въ степени развитія внутренней ея торговли; но зависитъ оно не отъ нея, а отъ труда и его доходности.

Притомъ внутренняя торговля можетъ быть также и иностранными произведеніями (иногда даже весьма значительная, какъ, напримѣръ, у насъ чайная, бумажная и т. под.), и произведенія туземнаго труда необходимо составляютъ половину оборотовъ внѣшней торговли, которая, поэтому, неизбѣжно также состоитъ въ связи съ успѣхами внутренней трудовой дѣятельности страны.

Послѣ этого нѣчего говорить, какъ странно звучить слѣдующее заключеніе: «Слѣдовательно, торговая политика Россіи должна преимущественно имѣть ее (?) въ виду и оказывать ей нужное покровительство, а не жертвовать єю изъ-за отвлеченныхъ идей, должна быть преимущественно *национальною*». Мы недоумѣваемъ, какимъ образомъ можно имѣть въ виду внутреннюю торговлю безъ внѣшней, которая и образуется изъ внутренней и составляетъ часто ея истокъ и питаніе. Что внутренней торговлѣ должно оказывать нужное покровительство, это не подлежитъ сомнѣнію; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы не нужно было покровительство внѣшней, или, чтобы это покровительство устроено было такъ, чтобы влекло за собою угнетеніе какой-нибудь отрасли труда или хозяйственной дѣятельности въ странѣ. Хорошо обращать вниманіе на внутреннюю торговлю шерстью, кожами и т. под. продуктами; но развѣ изъ этого слѣдуетъ, что должно устранять условія широкаго внѣшняго ихъ сбыта? А къ этому приведетъ *национальная* (!) политика, по которой «только на тѣ статьи должна быть понижена пошлина, которая не могутъ быть производимы въ Россіи по климатическимъ или инымъ условіямъ.»

Такое положение ведетъ къ тому, чтобы облагать пошлиной продукты именно народные.

И какія же статьи, при разнообразіи почвы и климата Россіи, не могутъ быть въ ней производимы? Развѣ не растутъ у насъ и хлопокъ, и виноградъ, и персики, и апельсины? А съ уходомъ и капиталомъ не могутъ развѣ расти и кофейное и чайное дерево гдѣ-нибудь за Кавказомъ, какъ они растутъ въ нѣкоторыхъ оранжереяхъ. Не это ли имѣется и въ виду, чтобы въ дѣйствительности не понижать пошлинъ ни на что? Нѣтъ: въ руководящихъ основаніяхъ пересмотра тарифа, представленныхъ рижскимъ комитетомъ, первый основный пунктъ гласитъ, что должно быть произведено «пониженіе ввозныхъ пошлинъ на колоніальные товары и на всѣ необходимые для внутренней промышленности сырье и полуобработанные материа́лы, которыхъ Россія не въ состояніи производить сама». Даже отрицая существованіе чего-нибудь необходи́мого (принимая во внимание діогеновское опредѣленіе этого понятія), чего бѣ Россія была не въ состояніи произвести (быть въ состояніи не значитъ еще имѣть выгоду), все-таки остаются колоніальные произведенія, на облегченіе привоза которыхъ согласны протекціонисты.

Будучи вообще сторонниками облегченій международной торговли, мы, разумѣется, рады хотя такой частной уступкѣ; но — полагаемъ, что такое положеніе, если принимать его безусловно, трьшишь противъ современного значенія тарифовъ.

Значеніе это, какъ извѣстно, сдѣлалось въ наиболѣе образованныхъ странахъ (какъ оно и было первоначально вездѣ) чисто фискальнымъ, т. е. на таможни и пошлины смотрятъ, какъ на одно изъ средствъ полученія государственного дохода. Разматриваемые въ этомъ смыслѣ тарифы не должны противодѣйствовать ни одной изъ существующихъ отраслей труда въ странѣ, но и не должны оставлять безъ обложенія то, что можетъ принести доходъ казнѣ, и не должны безъ увѣренности въ большемъ доходѣ понижать пошлинъ, особенно съ товаровъ, потребляемыхъ болѣе достаточнымъ классомъ населенія, а таковы товары колоніальные. Говорить о пониженіи у насъ пошлинъ на колоніальные товары можно было бы, слѣдовательно, тогда, когда съ этимъ пониженіемъ можно было бы ожидать значительного увеличенія ихъ привоза, а привозъ можетъ увеличиться съ потреблениемъ, потребление же съ увеличеніемъ достатка массы; но, при системѣ покровительственной, на усиленіе этого достатка трудно расчитывать. Безъ этого же можетъ выдти изъ подоб-

ной мѣры только то, что богатый баринъ-фабрикантъ выпьетъ за меньшую цѣну, чѣмъ теперь, болѣе кофѣ; но поговорка «гдѣ намъ кофей пить», или «намъ дуракамъ чаевъ не пить» останется все-таки народною и привычною для массы нашихъ соотечественниковъ.

Второй пунктъ рижскаго комитета выраженъ въ видѣ необходимости «установленія опредѣленныхъ пошлинныхъ окладовъ (какъ будто ихъ нѣтъ теперь) на иностранныя произведенія, сообразно съ охраной, необходимой (?) для преуспѣянія внутренней промышленности». Полагаютъ, что подъ этимъ «можно допускать и необходимость *возвышенія* пошлинъ на нѣкоторыя статьи, ради охраненія внутреннихъ промысловъ, каковы, напримѣръ, льняныя издѣлія, хрусталь, желѣзо, минеральное масло и друг.; кроме того, этотъ пунктъ могъ быть дополненъ тѣмъ, что не безполезно было бы на нѣкоторыя издѣлія назначить *преміи*».

Но мы не понимаемъ, почему ограничиваютъ возвышеніе. Если уже покровительствовать, то покровительствовать всѣмъ трудящимся соотечественникамъ, и если охранять, то охранять отъ всѣхъ шансовъ потерь и убытка: поднимая пошлины на льняныя издѣлія, мы не понимаемъ, почему не поднять на бумажныя, шерстяныя и кожаныя; поднимая на хрусталь, не знаемъ, почему не поднять на стекло; поднимая на желѣзо, можно поднять и на сталь, и на мѣдь; съ минеральнымъ масломъ можно поднять и на другія масла, мыло, стеаринъ и т. п. Однимъ словомъ, отчего бѣ не поднять *всѣхъ* пошлинъ, всего тарифа, да еще прибавить малую толику пошлинъ, какъ бывало въ старину? То-то было бы житѣе таможнямъ!

Вообще нельзя согласиться съ тѣмъ утвержденіемъ, что-де «ученіе о свободной торговлѣ въ настоящее время значительно уясняется и не возбуждаетъ такого увлеченія, какое было въ публике (?) еще такъ недавно. Болѣе самостоятельный мнѣнія могутъ уже пробиваться изъ-подъ вліянія діалектики и безусловной вѣры въ модные авторитеты».

Идея свободной торговли, дѣйствительно не возбуждаетъ болѣе увлеченія потому, что она стала идеей *убѣжденія* всѣхъ почти специалистовъ и лучшихъ государственныхъ людей Европы: авторитеты ея не модные, а *общепринятые* авторитеты.

И напрасно протекціонисты увѣряютъ, что историческая критика приводить насъ теперь къ инымъ заключеніямъ. Она не привела къ *

нимъ ни Рошера, ни Книса, ни Воловского. Только исторію-то нужно понимать правильно...

Приводимые ими примѣры Испаніи и Португаліи, какъ «странъ, не подчинявшихъ торговли никакому огражденію въ виду соперничества съ иностранцами», свидѣтельствуютъ, что они своеобразно понимаютъ исторію, потому что эти страны составляли колыбель меркантилизма и колоніальной системы, и доказываютъ своимъ теперешнимъ состояніемъ не противъ свободной, а противъ запретительной системы. Даже пресловутый метуэнскій трактатъ былъ дѣломъ вовсе не свободы торговли, а покровительства туземному производству Португаліи, именно ея винодѣлію. Отчего протекціонисты не приводятъ другаго примѣра, гдѣ дѣйствительно при внѣшней торговлѣ не имѣлось въ виду ограниченія отъ иностранного соперничества, именно Швейцаріи? Неужели потому, что ея цвѣтущее промышленное состояніе говорило бы противъ нихъ? Но вѣдь исторія должна быть безпредубежденія!

И не *предразсудокъ* ли повторять уже *сто лѣтъ* назадъ опровергнутое мнѣніе о навигаціонномъ актѣ, о кольбертизмѣ, похвалу континентальной системѣ и тому подобное, гдѣ исторія замѣняется бездоказательными, давно отринутыми у всѣхъ специалистовъ-историковъ утвержденіями.

Мы признаемъ, что Россія не можетъ быть (и прибавимъ — не будетъ) исключительно земледѣльческимъ государствомъ, что земледѣліе не можетъ процвѣтать безъ фабрикъ и заводовъ. Мы только отрицаемъ, что этого можно достигнуть тарифомъ и пресловутой покровительственной системой, которая, какъ легко доказать — въ сущности также запретительная, исключая нѣкоторыхъ формъ и заявленныхъ цѣлей, но не относительно сущности и духа стремленія. На этомъ основаніи, по нашему мнѣнію, правы те, которые видятъ и въ нашемъ тарифѣ запретительный духъ, несмотря на отсутствие положительныхъ запрещеній. Во всякомъ случаѣ, сравнительно съ другими тарифами, назвать пошлины наши умѣренными трудно.

IV.

Таможенная система, какой бы характеръ она ни имѣла, и въ какомъ бы направленіи ни была ведена, одною изъ главныхъ цѣлей своихъ необходимо имѣть доставленіе правительству дохода. Эта цѣль въ первыя времена была даже единственою при установлениі заставъ и пошлинъ, на нихъ взимаемыхъ. Не будь ея, не было бы и таможень, следовательно, не было бы тѣхъ разнообразныхъ стремленій, которые вызваны ихъ учрежденіемъ. Финансовую, или фискальную цѣль мы, поэтому, должны признать первоначальною, коренною въ дѣлѣ ограниченія международныхъ сношеній, производимыхъ тарифами разнаго рода, и тѣ системы ихъ, которая приносятъ, при равныхъ издержкахъ взиманія, болѣе дохода казнѣ или правительству, должно признать болѣе соотвѣтствующими прямой ихъ цѣли; тѣ же, которая приносятъ менѣе чистаго дохода, необходимо считать уклонившимися отъ ихъ первоначального назначенія.

Въ этомъ отношеніи, тарифы, основанные на началахъ покровительственной (охранительной) системы, мы должны признать положительно неудовлетворительными. Правительства, ихъ принимающія, за всѣдомо лишаются значительной доли дохода, который они могли бы получить, руководясь только расчетами наибольшаго поступленія таможенныхъ сборовъ. Чрезъ эту систему казна умышленно ограничиваетъ привозъ иностранныхъ произведеній, следовательно, сознательно уменьшаетъ возможность полученія отъ нихъ пошлинъ, безъ всякаго вознагражденія въ свою пользу съ какой бы то ни было стороны.

Это бесспорно жертва, приносимая ими; но никакая жертва не можетъ быть бесконечною, и рано или поздно должна окупиться, если хочетъ быть оправданною.

И напрасно говорятъ, что жертва эта окупается, одновременно съ потерей части таможенного дохода, увеличеніемъ народнаго дохода и возвышениемъ казеннаго отъ другихъ источниковъ. Стѣсненіемъ потребленія и отвлечениемъ капиталовъ и производительныхъ силъ отъ одной отрасли производства къ другой — народный доходъ, въ дѣйствительности, увеличиться не можетъ; можетъ увеличиться только

номинальный доходъ *некоторыхъ* производствъ, но и это увеличение отзыается вредно на ходѣ другихъ отраслей промышленности и на достаткѣ потребителей, который отъ этого уменьшается; следовательно отъ него приходитъ въ оскудѣніе источникъ всякаго дохода.

Правда, это упорно отрицаютъ тѣ производители и промышленники, которые получаютъ отъ покровительства прямую выгоду увеличеніемъ личныхъ доходовъ. Смѣшивая свое собственное благосостояніе съ благосостояніемъ общимъ, они утверждаютъ противное: говорятъ, что чрезъ покровительство ихъ отраслямъ труда, увеличивается масса народнаго дохода, и правительство другими путями, внѣ таможенья, можетъ изъ него извлекать себѣ выгоду, получать больше податей и пошлинъ внутри государства. Эти утвержденія не подкрепляются фактами. То, что правительство теряетъ отъ протекціи избраннымъ промышленностямъ, видно въ уменьшеніи таможенныхъ сборовъ; но увеличение его дохода внутри государства, вслѣдствіе этой системы, незамѣтно. Скажемъ даже, что если гдѣ этотъ доходъ и увеличивался при протекціи, то ни въ какомъ случаѣ не вслѣдствіе ея, а несмотря на нее. Да иначе и быть не можетъ при томъ вліяніи, которое эта система производитъ какъ на покровительствуемыя, такъ и на иные отрасли труда. Отъ первыхъ правительство не можетъ получать дохода, или получаетъ весьма незначительный (какъ съ туземнаго свекловичнаго сахара), потому что ихъ состояніе признается слабымъ до такой степени, что требуетъ искусственной поддержки и охраны. Отъ непокровительствуемыхъ же производствъ нельзя ожидать увеличения дохода потому, что они ослабляются и въ капиталѣ, и въ трудѣ, соперничествомъ охраняемыхъ промышленностей, и притомъ должны отъ послѣднихъ получать нужные имъ продукты по высшей цѣнѣ. Это же самое обстоятельство ставить и потребителей въ такое положеніе, что расчитывать на большую ихъ способность платить подати правительство не можетъ.

Для наглядного убѣжденія въ этомъ, предположимъ, что какое-нибудь государство вздумаетъ покровительствовать, напримѣръ, желѣзодѣлательной промышленности—путемъ высокаго тарифа на соответствующія иностранныя издѣлія. Облагать при этомъ податью внутреннихъ заводчиковъ нельзя потому, что это значило бы одною рукою отнимать то, что дается другою. Но также трудно расчитывать при этомъ на увеличение отъ такой тарифной мѣры другихъ источниковъ дохода, потому что, очевидно, во всѣхъ промышленностяхъ, въ которыхъ прямо или косвенно входитъ желѣзо, какъ вспомогательный материалъ, должны увеличиться издержки производства и на

соответствующую долю уменьшиться ихъ доходъ; такъ же точно, какъ всѣ потребители желѣзныхъ издѣлій должны уменьшить долю своихъ удобствъ или увеличить свои расходы на долю увеличенія цѣны желѣза. И съ той, и съ другой стороны, слѣдовательно, казна не можетъ расчитывать на болѣшій доходъ: она должна терять, а съ нею вмѣстѣ теряетъ и народъ.

Мы знаемъ, что значатъ такія потери. Правительство, или казна, представляющая его материальные интересы, не можетъ произвольно ограничить свои расходы и всегда вынести встрѣчающіеся недочеты. Имѣя высшія, опредѣленныя цѣли для своего существованія, храня разнобразные народные интересы, и находясь въ этомъ отношеніи подъ вліяніемъ рѣдко снисходительнаго общественнаго мнѣнія страны, оно не можетъ отказаться отъ какой-нибудь изъ признанныхъ за нимъ функций только потому, что не достаетъ ему текущихъ средствъ. Съуженіе дохода его отъ таможенья необходимо ведеть его, поэтому, или къ увеличенію податей, или къ умноженію другихъ сборовъ, или —что чаще бываетъ, пока не убѣдятся въ постоянствѣ этого явленія—къ заключенію займовъ, т. е. переложенію уплаты на болѣе отдаленное время, на потомство, а къ этому времени все тоще и тоще дѣлается народный трудъ, подъ вліяніемъ гибельной системы, и все тяжелѣе—возлагаемый на него гнѣтъ. И все это—во славу народнаго (!) труда часто совершенно не народныхъ производителей... Не странно ли это?..

Но многіе скажутъ намъ, что это подтверждается фактами и свѣдѣніями, доставляемыми специалистами. Факты ихъ говорятъ, что народное богатство почти вездѣ увеличивается и при покровительственной системѣ; а свѣдѣнія специалистовъ вездѣ и всегда говорятъ о невозможности оставить туземную промышленность безъ охраны отъ соперничества иностранцевъ.

Остановимся на обсужденіи этихъ явлений.

Что народное богатство увеличивается и при системѣ, развитію его неблагопріятной, это такъ же мало говорить въ пользу ея, какъ въ пользу холода говорить фактъ, что растительность увеличивается и въ неблагопріятное лѣто. Вопросъ не въ томъ, что она увеличивается, а на сколько увеличивается. Что богатство народное можетъ увеличиваться при умѣренномъ покровительствѣ, это несомнѣнно; но такъ ли оно увеличивается въ массѣ безъ него, на это представляютъ намъ доказательства страны, оставившія охрану у себя, и идущія къ благосостоянію широкимъ путемъ свободы.

Сверхъ того, при самой оцѣнкѣ развитія труда и богатства народнаго, нужно принять во вниманіе характеръ и подборъ фактovъ: фактъ факту рознь, и ихъ группировка много значитъ. Источникъ ихъ и пользованіе ими находятся, обыкновенно, какъ мы знаемъ, въ рукахъ людей, не всегда свободныхъ отъ предразсудковъ и не всегда беспристрастныхъ: естественно, что и показанія ихъ правильны быть не могутъ. Требуется, напримѣръ, обсудить состояніе извѣстной отрасли промышленности. Люди, которымъ это поручается, должны или сами изучить предметъ спеціально, или требовать у спеціалистовъ свѣдѣнія. Но самостоятельное изученіе нелегко и не всегда возможно, а спеціалисты по производству имѣютъ и спеціальные интересы, связанные часто весьма тѣсно съ извѣстнымъ положеніемъ вещей: въ ихъ показаніяхъ и въ ихъ совѣтахъ невольно отражаются ихъ заботы о сохраненіи и усиленіи этого положенія, и никакое постороннее изученіе не можетъ освободить изслѣдователя изъ-подъ этого вліянія, которое выражается и въ самой группировкѣ фактovъ и въ выборѣ ихъ. Истина является здѣсь не нагою, а въ нарядѣ, назначаемомъ условіями мѣста, времени и сословія, не позволяющимъ разоблачить ее никогда.

Извѣстно также, что факты *сами по себѣ* не говорятъ еще ничего: говорить ихъ смыслъ, а для того, чтобы уловить его, нужна наука. Фактъ процвѣтанія какой нибудь промышленности, оторванный отъ ряда другихъ, родственныхъ ему, также говорить весьма мало. Процвѣтало воздѣлываніе хлопка и кофэ въ заморскихъ колоніяхъ; но кто же изъ здравомыслящихъ наблюдателей могъ назвать самыя колоніи цвѣтующими? Процвѣтаютъ и покровительствуемыя промышленности на Западѣ, но ихъ процвѣтаніе влечетъ за собою пауперизмъ и не даетъ желаемаго благосостоянія народу.

Не подвергая критикѣ, часто также приводятъ факты, вовсе не доказывающіе того, для подтвержденія чего они приводятся. Миръ, спокойствіе и развитіе общественное, вслѣдствіе различныхъ причинъ политическихъ, географическихъ и т. п., производятъ увеличеніе богатства въ странѣ, которая слѣдуетъ охранной системѣ. Протекціонисты не замедлять приписать это существованію ихъ системы. Улучшается ли земледѣліе, при увеличеніи населенія, въ это время, они и эти факты ставятъ въ категорію слѣдствій ихъ системы, не замѣчая, что тѣ же факты, и еще въ большемъ размѣрѣ, происходятъ и въ другихъ странахъ. Такъ же точно, почти при малѣйшемъ колебаніи ихъ системы, при ничтожнѣйшемъ ослабленіи непомѣрной охраны, они всѣ произшедшія потомъ бѣды сваливаютъ на несчаст-

ную свободную торговлю, хотя бы обѣ ней въ происшедшихъ измѣненіяхъ тарифа и цомина не было. Финансовый и монетный кризисъ, происшедший отъ чисто политическихъ причинъ, и перемѣна международныхъ отношеній сбыта, происшедшая отъ измѣненія торговыхъ путей, и затрудненіе производства, происходящее отъ беспечности и невѣжества—все приписываются одной причинѣ: понижению тарифа, которому готовы они приписать и неурожай и непогоды. «Послѣ того», слѣдовательно, «вслѣдствіе того» безпрестанно встрѣчается въ ихъ болѣе желчныхъ, нежели логическихъ выводахъ и заключеніяхъ, и нельзя — говорятъ — не вѣрить имъ, вѣдь они *специалисты* въ дѣлѣ промышленности! Остановимся на этомъ спеціализмѣ, и постараемся дать себѣ отчетъ, какое значеніе онъ имѣеть въ вопросахъ общегосударственныхъ.

Спеціализмъ, какъ одна изъ формъ закона раздѣленія труда, есть дѣло великое по тѣмъ результатамъ производства и примѣненія, которые порождаются имъ; но эти результаты и происходятъ отъ него потому, что онъ съуживаетъ свою дѣятельность; для глубины и силы ея онъ ограничиваетъ ея объемъ. Итакъ, по самому существу своему, спеціализмъ всегда одностороненъ, и чѣмъ дробнѣе онъ, тѣмъ односторонность эта дѣлается мелче и ужѣ. Мнѣнія и сужденія спеціалиста, поэтому, имѣютъ силу только въ границахъ его спеціальности; но никакъ не далѣе. Въ вопросахъ иного порядка эти мнѣнія не только не могутъ имѣть силы обязательной, но, напротивъ, имѣютъ большую вѣроятность ошибокъ, вслѣдствіе особенной точки зреянія, на которую, по привычкѣ, становится спеціалистъ. Въ вопросахъ обще-экономическихъ, предметахъ государственного хозяйства, мнѣнія спеціалистовъ также важны; но кого должно признать въ нихъ спеціалистами? Обыкновенно обращаются къ производителямъ.

Если это обращеніе имѣеть въ виду собраніе предварительныхъ свѣдѣній, материаловъ для решенія, то оно совершенно справедливо; но жестоко ошибаются тѣ, которые считаютъ производителей людьми компетентными для самаго решенія подобныхъ вопросовъ. Каждый производитель — спеціалистъ, но только по технической сторонѣ своего дѣла. Спрашивать его о другихъ промыслахъ, или о значеніи общемъ его собственного, можно для уясненія дѣла; но предоставлять ему рѣшеніе судьбы ихъ нерационально. Портной, сапожникъ, пахарь, заводчикъ — могутъ быть прекрасными экспертами въ дѣлѣ относительного ихъ производства; но они плохіе судьи въ распределеніи и определеніи общенароднаго дохода и въ указаніи мѣръ, долженствующихъ способствовать общей пользѣ. По

самому положенію своему и по прямому долгу, каждый изъ нихъ имѣть въ виду наибольшія выгоды своего производства, и прилагаетъ заботу о собственномъ состояніи. Каждый изъ нихъ будетъ предлагать и поддерживать мѣры, исключительно направленныя къ усиленію той отрасли промышленности, которою онъ занимается, и, въ своемъ специальному стремлѣніи, пренебрегать другими, могущими, повидимому, повредить ей или ослабить ее. Требовать отъ нихъ иного, значитъ требовать, чтобы они перестали быть специалистами, и чтобы замѣнили частную точку воззрѣнія—общею, что невозможно безъ специального изученія науки, весьма далекой отъ техническихъ указаній ихъ специальности.

Правда, еслибъ собрать всѣхъ специалистовъ-производителей и всѣхъ потребителей, то, можетъ быть, и могло бы выйти рѣшеніе, близкое къ истинному; но такое собраніе—неисполнимая мечта даже въ идеѣ, и къ нему далеко не приближается рѣшеніе посредствомъ собранія техниковъ-специалистовъ. Соберите землевладѣльцевъ, они не решатъ вѣрно вопроса о хлѣбной торговлѣ, инженеры—объ относительной выгодѣ направлѣнія путей, фабриканты—о мѣрахъ къ сбыту ихъ товаровъ вообще. Они могутъ подать въ этомъ свои указанія и совѣты, но не болѣе. А между тѣмъ, и теперь, какъ всегда, обращаются за совѣтами объ устройствѣ и перемѣнахъ въ направлѣніи промышленной политики—къ самимъ промышленникамъ. Кто же изъ нихъ врагъ себѣ? Кто захочетъ поступиться хотя бы и излишними и вредными для другихъ своими барышами? Они будутъ говорить въ пользу свою, а не къ выгодѣ ихъ потребителей. И это совершенно естественно: солдатъ всегда будетъ подавать голосъ за войну, производитель за стѣсненіе соперничества, эксплуататоръ за собственную монополію; но странно въ этихъ случаяхъ руководствоваться мнѣніями лицъ, заинтересованныхъ въ дѣлѣ. Имѣть въ виду мнѣнія рабовладѣльцовъ при эманципаціи и покровительствуемыхъ фабрикантовъ при освобожденіи внутренней торговли—должно; но слѣдовать имъ невозможно. Москва, Рига имѣютъ свои интересы, какъ Одесса и Петербургъ; но должно понимать ихъ значеніе и источникъ выражаемыхъ ими мнѣній.

При этомъ случаѣ мы не можемъ не сказать еще объ одномъ способѣ рѣшенія дѣла, предлагаемомъ нѣкоторыми, въ виду затруднительнаго экономического положенія страны. «Соберите—говорятъ—всѣхъ промышленниковъ, или выборныхъ отъ нихъ, и дайте имъ на обсужденіе вопросы: рѣшеніе ихъ будетъ вѣрно и безпристрастно.» Полно, такъ ли? Не похоже ли это на то, что если захворала лошадь, то со-

брать для леченія ея кучеровъ, или Ѳздоковъ, или чтобы больнымъ предоставить лечиться средствами, которыя они сами изобрѣтутъ въ общемъ своемъ собрані? Не есть ли это—презрѣніе къ наукѣ вообще?

Если въ странѣ существуетъ болѣзнетное состояніе, кризисъ въ какой бы ни было сферѣ ея общественной жизни, то это ясно указываетъ на нарушеніе правильныхъ отправлений въ ея организмѣ, на плохое хозяйство частное, результатъ котораго и проявляется въ общемъ государственномъ хозяйствѣ. Собраніе плохихъ хозяевъ въ этомъ случаѣ также можетъ мало помочь дѣлу, какъ собраніе больныхъ для назначенія лекарствъ и медицинскихъ пособій. Здѣсь, какъ во всемъ, нужна наука, знаніе серьезнѣе и безпристрастное, умѣніе примѣнить раціонально ея выводы къ данному случаю и умѣніе выполнить и провести ея предписанія въ дѣло. Вѣкъ знахарей и заговоровъ въ дѣлѣ государственного хозяйства минуетъ, какъ онъ минулъ въ медицинѣ; но также должна миновать и система выставки больнаго у храма Эскулапа, когда ведется раціональное изученіе дѣла; система же леченія больныхъ больными не должна бы и возникать при преобладаніи здраваго разсудка въ обществѣ...

V.

Мы говорили до-сихъ-поръ о вредѣ протективной системы вообще съ политической и финансовой точки зрењія, стараясь предупредить и привести въ надлежащіе размѣры тѣ возраженія, которыя могли быть или были сдѣланы по этому поводу, и опредѣливъ значеніе тѣхъ, отъ кого напрасно ожидаютъ исправленія существующихъ неудобствъ. Мы указали при этомъ, что судъ, въ дѣлѣ промышленного направлениія, не долженъ быть предоставляемъ тѣмъ, интересы которыхъ связаны съ продолженіемъ односторонняго, по выгодамъ, порядка вѣщей, что лица, извлекающія личную пользу изъ какого-нибудь учрежденія, никогда сознательно не подымутъ на него руки, вакъ бы оно ни было несовершенно; а таковы болѣшею частію промышленники-производители въ странѣ съ охранной системой.

Теперь обратимъ вниманіе на самый составъ этихъ производителей. Какъ известно, въ обширномъ смыслѣ слова, они состоять изъ хозяевъ—предпринимателей промышленности, и рабочихъ—участниковъ въ производствѣ. Въ нормальномъ порядкѣ вещей, т. е. при естественномъ ходѣ промышленности, выгоды этихъ двухъ классовъ

производителей обоюдны; но онъ не таковы при дѣйствіи системы въ родѣ протектизмъ.

Система эта нарушаетъ правильныя между ними отношенія уже тѣмъ, что нѣкоторымъ капиталистамъ предоставляетъ исключительныя выгоды и обеспеченія, которыхъ не имѣютъ другіе, и тѣмъ склоняетъ всы правомѣрнаго распределенія дохода въ одну сторону; но, сверхъ того, часто эти выгоды даются прямо на счетъ рабочихъ.

Не разбирая въ настоящее время подробно этого вопроса, мы только обратимъ вниманіе вообще на положеніе этого послѣднаго класса въ дѣлѣ протекціонизма.

Покровительство требуется и оказывается какой-нибудь отрасли промышленности въ странѣ (въ видѣ привозныхъ высокихъ пошлинъ на границѣ) обыкновенно на томъ основаніи, что она не въ состояніи выдержать соперничество съ иностранными производителями, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и въ тѣхъ видахъ, что, возросши и укрѣпившись, она станетъ въ уровень съ чужеземными конкурентами (что и отличаетъ въ сущности покровительственную систему отъ запретительной). Поэтому, и при грозѣ контрабанды, пошлины не могутъ быть возвышаемы слишкомъ непомѣрно впродолженіе долгаго времени. Считается достаточнымъ обложить ими ввозъ продукта на столько, чтобы туземные производители получали барышъ болѣе обыкновеннаго, для привлеченія капиталовъ къ поддерживаемому производству, но не заботятся о заработкахъ рабочихъ, да и заботиться не могутъ. Что же изъ этого выходитъ? Хозяинъ-производитель, подвергаясь шансамъ новаго, неиспытанного въ странѣ производства, отвлекая для этого капиталы изъ другаго дѣла, или занимая ихъ у другихъ лицъ, необходимо разсчитываетъ, и долженъ разсчитывать, на болѣшій барышъ. Чѣмъ же онъ можетъ достигнуть этого? Не уменьшениемъ прибыли съ капитала, дорогаго въ странѣ по его рѣдкости, не искусствомъ и знаніемъ, еще не приобрѣтенными, не сбытомъ, еще не существующимъ. Остается одна задѣльная плата. На пониженіе ея, для выдержанія иностранного соперничества и увеличенія своего дохода, и употребляются обыкновенно всѣ усиленія покровительствуемыхъ заводчиковъ, облегчаемыхъ въ этомъ своею малочисленностью и сильной поддержкою общественной власти. Поэтому мы и видимъ, обыкновенно, употребленіе крѣпостныхъ, приписныхъ и т. п. плохо вознаграждаемыхъ рабочихъ въ одиныхъ странахъ, строгіе законы противъ стачекъ рабочихъ и тайныхъ стачекъ хозяевъ въ другихъ, и — повсемѣстное объединеніе рабочаго класса.

Иногда, правда, при введеніи охраны, въ охраняемыхъ промыш-

ленностяхъ бываетъ даже повышение платы; но это повышение бываетъ только временное и большою частью номинальное, представляя лишь приманку для привлечения свободныхъ людей отъ укоренившихся уже въ странѣ производствъ, когда нельзя этого достигнуть законодательною силою.

Сверхъ того, покровительствуемые промыслы преимущественно ведутся большими капиталами, образующими большие центры производства и накопление рабочихъ тамъ, где ихъ къ тому не влекутъ естественные условия мѣстности. Это накопление людей, часто оторванныхъ отъ семьи и условій родового быта, производить далеко неблагопріятные результаты для развитія рабочаго. Но этого мало: рабочему сословію система охраны вредитъ еще съ другой стороны, съуживая поприще его дѣйствій и заработка.

Вследствіе особенныхъ, искусственно поддерживаемыхъ выгодъ, охраняемая промышленность притягиваетъ капиталы отъ существовавшихъ до-тѣхъ-поръ отраслей народнаго труда. Чрезъ это уменьшается или останавливается производительность послѣднихъ, а вмѣстѣ и запросъ съ ихъ стороны на работу, что производить пониженіе въ нихъ задѣлъной платы. Мы видимъ отчасти примѣръ этому въ нашемъ отечествѣ, где бумажная, свеклосахарная и т. п. промышленности произвели искусственный застой и даже отчасти пониженіе платы въ земледѣліи, льноводствѣ и другихъ коренныхъ промыслахъ, по недостатку въ нихъ надлежащаго запроса.

Такимъ-образомъ, рабочіе, какъ орудія производства, безусловно теряютъ отъ системы, покровительствующей ихъ хозяевамъ. Они дѣйствительно, являются, орудіями для извлечения большаго дохода; но доходомъ этимъ не пользуются, исключая развѣ рѣдкихъ и единичныхъ случаевъ, зависящихъ отъ особыхъ обстоятельствъ и личныхъ положеній. Случаевъ же прочнаго улучшенія положенія (не говоримъ—обогащенія) мы въ этомъ классѣ, при господствѣ системы охранной, почти не встрѣчаемъ; а, напротивъ, видимъ шаткость, неразлучную со всякою насильственною экономическою мѣрою.

Эта шаткость или колебаніе происходитъ обыкновенно отъ произвола, которому подчиняется при протекціи промышленность: пошлина, поднятая при однихъ соображеніяхъ и вліяніяхъ, можетъ быть понижена при другихъ, и боязнь перемѣнъ висить, какъ дамокловъ мечъ, надъ охраняемымъ трудомъ. Сверхъ того, узкій національный рынокъ представляетъ много случайностей, которыхъ нѣть въ мѣромъ; равно онъ не можетъ дать промыслу столько силъ и питанія, какъ послѣдній. Наконецъ, протекціонизмъ стѣсняетъ сбыть тузем-

ныхъ продуктовъ, лишаетъ пищи непокровительствуемыя отрасли труда, дѣлаетъ ихъ слабѣе, и чрезъ то также подвергаетъ чаще страданіямъ и застою. Ослабленіе связей торговыхъ въ то же время уменьшаетъ приливъ капиталовъ изъ-за границы, а все это вмѣстѣ производитъ критическое состояніе промысловъ, отъ котораго первый страдаетъ—рабочій.

Такимъ образомъ, ни въ отношеніи размѣровъ задѣльной платы, ни въ отношеніи ея постоянства и устойчивости, покровительственная система далеко не покровительствуетъ рабочему. Она даже, напротивъ, ухудшаетъ его положеніе, затрудняя жизнь его увеличеніемъ ежедневныхъ издержекъ, вздорожаніемъ, составляющимъ неизбѣжное слѣдствіе системы, по мѣрѣ ея примѣненія.

Обыкновенно полагаютъ, что это вздорожаніе происходитъ только въ тѣхъ предметахъ, которые обложены ввозною пошлиной и только въ размѣрѣ обложенія; но такое мнѣніе несправедливо. Возвышаются въ цѣнѣ всѣ тѣ предметы, для производства которыхъ, прямо или косвенно, нужны эти обложенные продукты; но, кроме того, возвышаются въ цѣнѣ и всѣ другіе предметы, потому что уменьшеніе употребляемаго на нихъ капитала дѣлаетъ производство ихъ менѣе успешнымъ и относительно болѣе дорогимъ. Такимъ образомъ, потребитель вынужденъ или увеличить свои средства, или уменьшить потребленіе; а для потребителя изъ класса рабочаго остается только послѣднее средство, къ которому онъ и прибѣгаетъ, но которое равносильно уменьшенію благосостоянія — обѣднѣнію.

Правда, желая противодѣйствовать этому тягостному влеченію, рабочіе стараются обыкновенно поднять размѣры задѣльной платы; но, какъ мы видѣли, это имъ рѣдко удается, а, удаваясь, въ ближайшемъ уже будущемъ производить не улучшеніе, а ухудшеніе положенія этого класса, потому что поднятіе заработка увеличиваетъ издержки производства, слѣдовательно, цѣну произведеній, а этимъ еще болѣе стѣсняется потребленіе самого даже рабочаго, который въ этомъ случаѣ только номинально получаетъ болѣе: болѣшее количество денежной платы не представляетъ ему болѣе удобствъ. Отъ этого мы видимъ въ охраняемыхъ странахъ обыкновенно высокіе заработки; но въ то же время относительно плохое состояніе рабочихъ и вполнѣ затруднительную ихъ жизнь—отъ излишества нѣкоторыхъ изъ ихъ хозяевъ. Но хозяевъ мало, а рабочихъ много, такъ же какъ много потребителей, имѣющихъ также интересъ, совершенно противоположный интересамъ покровительствуемыхъ производителей.

Изъ этого уже заранѣе можно сказать, кто именно желаетъ промышленной протекціи, и кто не долженъ желать ея, въ видахъ собственной выгоды. Желаютъ ея тѣ производители, которые не понимаютъ частной выгоды иначе, какъ только съ урономъ для другаго, тѣ, которые ставятъ интересы капиталистовъ выше интересовъ массы народа, и смотрятъ на производство, какъ на цѣль, а не средство къ потребленію. Они промышленность движутъ для нее самой, забывая, что промышленность имѣетъ значеніе только по мѣрѣ удовлетворенія ею народныхъ потребностей. Желаютъ покровительственной охраны также тѣ, которые безъ нея не чувствуютъ себя въ силахъ вести промышленное дѣло съ выгодаи—люди, нищіе духомъ и средствами, безкапитальные, незнающіе, а потому готовые на крайнія средства и стремящіеся къ эксплуатаціи чужихъ силъ и кармановъ.

Не желаютъ, или лучше—раціонально не должны желать ея—люди труда и успѣха, нерасчитывающіе на насильственное подчиненіе себѣ чужихъ услугъ и чужаго потребленія, также люди солиднаго состоянія и современаго образованія, понимающіе значеніе мѣстности въ промыслѣ и поэтому небоящіеся иноземной конкуренціи, никогда не опасной производству, вполнѣ приличному какой-нибудь странѣ.

Къ сожалѣнію, впрочемъ, и въ числѣ этихъ людей находятся многіе, проникнутые идеями протекціи и искусственнаго направленія промышленности—частію по примѣру, имѣющему свою долю увлеченія, частію по рьяной торопливости, свойственной многимъ поверхностнымъ умамъ. Крупные барыши охраняемыхъ промысловъ часто такимъ образомъ заставляютъ и лицъ этой категоріи добиваться охраны, а желаніе скорѣе развить свое предпріятіе и видѣть его процвѣтаніе побуждаетъ къ тому же людей поспѣшныхъ. Но они забываютъ при этомъ, что въ каждомъ развитіи, какъ дѣлѣ органическомъ, быстрота обусловливается внутреннею силою и имѣть свои границы, и что скачковъ въ природѣ дѣлать нельзя: нельзя вырастить дерева въ короткое время, нельзя по произволу ускорить или измѣнить метаморфозы, которыя проходитъ животное. Медленный ростъ есть часто признакъ силы организма, и ускореніе его можетъ быть равносильно его ослабленію. Медленно развиваются многолѣтнія растенія, но они и долго существуютъ: туда идетъ и умственное развитіе человѣка, но оно далеко заходитъ за предѣлы ума животнаго. Торопиться нѣчего, лишь бы не остановился ростъ; а онъ можетъ остановиться отъ ложнаго, насильственного вытягивания его.

И, дѣйствительно, мы видимъ въ дѣлѣ подобнаго промышленнаго

направленія, что излишнія положительныя заботы официальной власти о промыслахъ рѣдко увенчиваются успѣхомъ; напротивъ, онъ часто производятъ противные результаты. Покрытые охраной и убаюкиваемые протекціей, производители обыкновенно теряютъ значительную долю энергіи и искусства, подчиняются рутинѣ и являются поневолѣ отсталыми. Цѣль, которую указываютъ при введеніи системы, состоящая въ томъ, чтобы догнать или опередить иностранцевъ, остается недостижимою, и вѣчнымъ припѣвомъ покровительствуемыхъ остается: «Мы-де дураки; намъ невозможно тягаться съ нѣмцами».

Но если такъ, то для чего же за неспособность заставлять платить потребителей, массу народа? Тѣмъ болѣе, что, замѣтимъ, приплата эта приходится часто тѣмъ же нѣмцамъ, тѣмъ же иностранцамъ, только поселившимся въ странѣ охраняемой. Такъ и у насъ: много ли коренныхъ русскихъ фирмъ въ числѣ тѣхъ, которые извлекаютъ прямую выгоду изъ протекціи? Боимся, что не будетъ и половины, не считая капиталовъ, которые не имѣютъ національности.

Какое же заключеніе мы можемъ вывести изъ всего, что высказали? Заключеніе, далеко не утѣшительное и незаманчивое для нашего, настоящаго положенія. Протективная система (какъ всякая протекція) приноситъ пользу (и то видимую и времененную) немногимъ, вредъ — всѣмъ. На одного обеспеченаго ею (не отъ кризисовъ только) хозяина покровительствуемаго предпріятія приходится сотня не читающихъ отъ нея рабочихъ, десятки страдающихъ промысловъ отъ уменьшенія въ нихъ капиталовъ производства, и тысячи потребителей, ничѣмъ невознаграждаемыхъ за то обремененіе ихъ положенія, которое вызывается стѣсненіемъ рынка, возвышеніемъ цѣнъ, уменьшеніемъ сношеній и знанія и, прибавимъ, развитиемъ гибельныхъ предразсудковъ отчужденности и противоборства, возникающихъ въ видѣ плевелъ вездѣ, гдѣ только являются застой и отсталость. Это путь, которымъ глухнетъ поле цивилизаціи и ширится варварство. И все это въ виду положенія непрочнаго, подверженаго тѣмъ болѣшимъ случайностямъ, чѣмъ мельче лежатъ корни покровительствуемаго производства, могущаго вполнѣ акклиматизироваться и привиться въ странѣ только тогда, когда оно могло бы возникнуть и безъ покровительства. Къ чему же покровительство — спросимъ мы, и къ чему притомъ оно — продолжительно и безконечно?

VI.

Зашитники протективной системы у насъ, въ крайнемъ униженіи своеемъ, постоянно утверждаютъ, что наша промышленность не можетъ существовать безъ той доли охраны, которую приносить теперешній тарифъ. Если судить, однако, по его размѣрамъ, сравнительно съ тарифами сосѣднихъ и другихъ государствъ Европы, то мы должны имѣть весьма низкое понятіе о нашихъ производительныхъ силахъ и способностяхъ. Взявъ для примѣра нѣсколько статей привоза, играющихъ наибольшую роль въ охранительной системѣ, мы увидимъ слѣдующее:

Пошлина наша на пряжу бумажную, небѣленую, въ $2\frac{1}{2}$ р за вышне шведской, болѣе, чѣмъ *вчетверо* выше пошлины Германскаго Таможеннаго Союза, почти вчетверо выше австрійской, и уступаетъ только въ нѣкоторыхъ сортахъ французской, превосходя ее, однако, *вшестьеро* въ другихъ.

На льняную пряжу наша пошлина почти равна шведской, уступаетъ по однимъ сортамъ французской, но превосходитъ ее *впятеро* по другимъ сортамъ, на столько же превышаетъ пошлину Таможеннаго союза, и болѣе, чѣмъ *вшестьеро*—австрійскую.

По пряжѣ шерстяной, тарифъ нашъ выше всѣхъ европейскихъ, превышая французскій по нѣкоторымъ сортамъ болѣе, чѣмъ *вчетверо*, на столько же австрійскій; болѣе, чѣмъ вдвое—шведскій, и почти въ *тридцать разъ*—Таможеннаго союза.

По тканямъ бумажнымъ, небѣленымъ, пошлина наша почти равна пошлинѣ Таможеннаго союза, но превышаетъ французскую (въ нѣкоторыхъ сортахъ всемеро); тремя четвертями болѣе австрійской, и *втрое* выше шведской; по печатнымъ же—почти *вполнтора* раза выше австрійской, почти *вдвое* выше германской, и *втрое* выше шведской.

Сукно обложено у насъ при ввозѣ въ $1\frac{2}{3}$ —3 раза выше, чѣмъ въ Швеціи, въ $3\frac{1}{2}$ —6 разъ выше Австріи, отъ 4 — 7 разъ выше Таможеннаго союза *); прочія шерстяныя ткани почти втрое выше Швеціи, болѣе нежели втрое выше Германіи и болѣе, чѣмъ *впятеро* выше Австріи *).

*) Во Франціи взимаются проценты съ цѣны товара.
о протекц. въ Россіи.

Пошлина на писчую бумагу почти втрое болѣе, чѣмъ въ Швеціи, Австріи и Германіи, и почти въ 20 разъ выше Франціи; а на печатную почти въ восемь разъ выше Швеціи, въ 15 разъ выше Австріи, почти въ 20 разъ выше Франціи, и болѣе чѣмъ въ 20 разъ выше Таможенного Союза.

Изъ этого краткаго указанія можно уже видѣть, какое мѣсто, по своему характеру, занимаетъ нашъ тарифъ въ ряду современныхъ охранительныхъ тарифовъ континентальной Европы (объ Англіи, руководящейся иною торговой политикой, и говорить нѣчего): онъ, по главнымъ предметамъ охраны, выше всѣхъ другихъ. Поэтому не удивительно, что нѣкоторые критики признаютъ его запретительнымъ. Дѣйствительно, если (какъ это должно быть) признавать характеръ запрещенія за тѣми распоряженіями, которыя доступъ извѣстныхъ предметовъ дѣлаютъ невозможнымъ *на дѣль*, хотя и дозволяютъ на словахъ, соединяя законную доставку ихъ съ убыткомъ, то нельзя не признать отчасти такого характера за нашимъ тарифомъ.

Да трудно и ожидать иного, потому что, сколько извѣстно, стремленіе и духъ нашей таможенной системы не измѣнились съ 1823-го года, а система, выдвинутая въ то время Е. Ф. Канкринымъ, была вѣдь не болѣе, какъ воспроизведеніе колльбертизма, на сколько дозволялъ иной вѣкъ и иная страна; слѣдовательно, въ основаніи своеемъ—система запретительная. Тлетворный для нея духъ пятидесятыхъ годовъ мало измѣнилъ ее, коснувшись только нѣкоторыхъ статей и крайнихъ размѣровъ пошлинъ, и во всякомъ случаѣ былъ не духомъ свободной торговли, а началомъ протективнымъ, на столько лишь болѣе новымъ, на сколько Фр. Листъ къ намъ ближе, нежели Колльберъ.

Не станемъ вдаваться въ изслѣдованіе тѣхъ результатовъ, которые произведены у насъ этой системой. Принимая во вниманіе ея политическое и экономическое значеніе, уже указанное нами, и ея стремленіе къ национальному обособленію, мы въ правѣ приписать ей во многомъ то состояніе кризиса, которое мы переходимъ; но объясненіе и доказательство этого едва ли удобно, а даже — по нѣкоторымъ причинамъ — пока едва ли и возможно. Остановимся только на слѣдующемъ соображеніи: каждая система внешней торговли имѣеть главное значеніе по отношенію къ производительности (промышленности) края; но можетъ ли она оставаться безъ перемѣны, когда кореннымъ образомъ измѣняются условія этой производительности?

Положимъ даже, что канкриновская система (а она, безспорно, господствуетъ и нынѣ въ нашемъ тарифѣ) была пригодна для его времени; но хороша ли она для нашего—это другой вопросъ. Время Канкрина было время крѣпостного труда, безкапитальности торговцовъ, полнаго отсутствія акціонерныхъ предпріятій и путей сообщенія, время подчиненія кредита правительству, бывшему почти единственнымъ заимодавцемъ внутри государства, время лишь начала у насъ высшаго и спеціального образованія, признанія неизбѣжности повсемѣстной опеки начальства и т. п.; однимъ словомъ, время почти на полвѣка отъ насъ отстоящихъ, устарѣвшихъ нынѣ идей и событий.

Можетъ ли же мѣра, приходившаяся къ тогдашимъ понятіямъ и нуждамъ, такъ же легко и безнаказанно быть прилагаема теперь? Едва ли! Нашъ трудъ теперь свободенъ и требуетъ простора; среднее сословіе наше, въ лицѣ земскихъ представителей, не лишено капитала и начинаетъ пользоваться компанейскимъ устройствомъ; кредитъ группируется въ казенныхъ учрежденій; образованіе идетъ, и путемъ училищъ, и путемъ печати, болѣе и болѣе впередъ; личное сознаніе заявляетъ себя съ каждымъ днемъ. И неужели въ это время мы еще не выросли изъ дѣтскаго платья? А если условія политической и гражданской жизни народа измѣняются съ его ростомъ, если время заставляетъ его часто отвергать то, что онъ почти съ колыбели считалъ кореннымъ для своего существованія, то тѣмъ болѣе должны подвергаться измѣненіямъ учрежденія чисто-экономической.

Уже одно освобожденіе половины населенія государства отъ обязательнаго труда не можетъ не отозваться самымъ прямымъ и сильнымъ вліяніемъ на нашу производительность. До него, быть можетъ, и имѣло значеніе то направленіе промышленности, при которомъ проигрывала масса рабочихъ, но выигрывали нѣкоторые производители—направленіе, ставившее одни промыслы въ разрядъ привилегированныхъ, и тѣмъ отнимавшее силы и средства у другихъ, лишенныхъ охраны. Все это тогда согласовалось съ общимъ строемъ государства; но въ настоящій периодъ гражданского уравненія правъ, такой порядокъ вещей, какъ мѣра постоянная, какъ правило государственной дѣятельности—не можетъ быть оправданъ.

Манифестъ 19-го февраля вызвалъ миллионы людей къ свободной дѣятельности; но поприщемъ, верномъ этой дѣятельности необходимо могутъ быть только коренные, народные наши промыслы, а не про-

мыслы покровительствуемые. Большинство освобожденныхъ, для пріобрѣтенія будущихъ запасовъ, для капитализаціи, поневолѣ обращается къ земледѣлію, къ сельскимъ промысламъ, ремесламъ, къ заводамъ (но не фабрикамъ), къ торговлѣ. Зачѣмъ же стѣснять эти источники ихъ дохода? Зачѣмъ охранительной стѣной заслонять отъ вольного воздуха свободное движеніе труда, это поле живыхъ и свѣжихъ ростковъ? Вѣдь покровительственная система необходимо стѣсняетъ сбыть нашихъ же продуктовъ, слѣдовательно, нашу же производительность, а поэому лишаетъ части работы нашъ же народъ; а работа такъ ему необходима.

До эманципаціи считалось, можетъ быть, полезнымъ, сообразно понятіямъ вѣка, сосредоточивать капиталы въ рукахъ немногихъ, чтобы придать тѣмъ имъ большую силу и значеніе. Нынѣ, въ вѣкъ стремлениія къ сотовариществамъ, къ общенію рабочихъ и дѣятельныхъ силъ, такое направленіе не своевременно, и поддержка личныхъ, частныхъ заведеній на счетъ общественный—получаетъ иное значеніе: протекція не можетъ составлять заслуги или заслуживать похвалу.

Землѣ, въ старые годы, и ея владѣнію было совершенно прилично добиваться первого мѣста въ государственныхъ заботахъ; закрѣпивъ за собою трудъ, ей естественно было стремиться закрѣпить за собою и капиталъ; но имѣеть ли она это значеніе теперь, при перемѣнѣ характера землевладѣнія, и измѣненіи самаго способа ея обработки, необходимо затѣмъ имѣющаго послѣдовать? Обработка продуктовъ, при различії относительныхъ размѣровъ производства сырья, имѣеть теперь другое значеніе. Мы еще не знаемъ, какое воздѣлываніе и какіе продукты потребуются въ новомъ періодѣ нашей дѣятельности.

Одно только можемъ сказать, что она не должна предпочитать предметовъ роскоши и изысканного потребленія, какъ это стремилась дѣлать протективная система, на водвореніе и развитіе этихъ отраслей употребившая огромные запасы народныхъ силъ и средствъ.

Но, и кромѣ эманципаціи, много другихъ событій ближайшаго времени не позволяетъ намъ удержать прежней системы. Это тѣ обстоятельства, которыми произведены наши промышленные успѣхи, напрасно многими приписываемые протекціи. Къ нимъ относятся: увеличеніе населенія, а съ нимъ материальныхъ и нематериальныхъ производительныхъ силъ; усиленіе запасовъ, или естественного накопленія богатства отъ трудовъ выбывшихъ поколѣній; умноженіе

опыта и знанія, неизбѣжное въ каждомъ живущемъ народѣ отъ поколѣнія къ поколѣнію; утвержденіе и распространеніе владѣнія, дающаго цѣнность и значеніе капиталамъ чрезъ большее и болѣе соразмѣрное пользованіе ими; улучшеніе и расширеніе путей и вообще средствъ сообщенія, и происходящее чрезъ то образованіе, основанное на школьнѣи и житейскому воспитанію. Всѣ эти обстоятельства, при нормальнѣи, спокойномъ состояніи, развиваются съ большою или менышею быстротою у каждого народа при *всякой* торговой системѣ и могутъ быть названы вообще плодами *времени и мира*.

Они, естественно, происходятъ и содѣйствуютъ развитію богатства и въ протективномъ государствѣ во время мира; но изъ этого вовсе не слѣдуетъ считать ихъ плодомъ торговой системы, которой слѣдуетъ государство, какъ нельзя считать садовника виновникомъ той растительности въ саду, которая зависитъ отъ почвы и климата мѣстности.

А между тѣмъ, гг. протекціонисты имѣютъ обыкновеніе все материальное развитіе страны, произшедшее послѣ принятія ихъ системы, приписывать исключительно ей, даже въ тѣхъ отрасляхъ труда, которая не только отъ нея не выигрываютъ, но положительно теряютъ.

Такъ нѣкоторые пытались даже успѣхи земледѣлія привести въ связь съ этой системой, положительно дѣйствующей противъ его выгодъ. Это то же самое, какъ еслибы какой нибудь медикъ-физіологъ приписалъ всѣ явленія здоровой и крѣпкой по природѣ женщины—корсету, который она носить!

Понятно это со стороны людей, руководящихся въ своихъ суждѣніяхъ исключительно личными воззрѣніями и расчетами, основанными на такомъ ненормальномъ положеніи; но удивительно—со стороны тѣхъ, интересы которыхъ страдаютъ отъ такого положенія дѣлъ. А между тѣмъ, это бываетъ часто тамъ, где незнакомы съ научными выводами и не привыкли подвергать факты правильному анализу, материалы для котораго всегда могутъ найтись.

Не говоря уже о сравненіи съсосѣдними странами, слѣдующими другой торговой политикѣ (напримѣръ, Франціи съ Швейцаріей, Ломбардіи съ старой Тосканой, Голандіи съ Бельгіей и т. п.), мы можемъ найти возможность оцѣнки системы въ странахъ, бывшихъ прежде въ одной, и поступившихъ въ разныя по принятымъ системамъ области. Таковы, напримѣръ, части бывшей (первой) Французской имперіи, до и послѣ ихъ соединенія съ ней, части бывшаго Польско-литовскаго королевства, части нынѣ называемой Румыніи съ

соплеменными ей областями. Ихъ положеніе подъ различными торговыми системами можетъ служить весьма полезнымъ материаломъ для оцѣнки самихъ системъ—разумѣется, принявъ во вниманіе и другія условія жизни этихъ областей въ новомъ ихъ составѣ. Работа—не легкая, но для опытнаго изслѣдователя не непреодолимая. Если, напримѣръ, мы находимъ, что одна часть бывшаго цѣлаго, при одной системѣ развивается болѣе, нежели другая часть—при другой, то есть основаніе предполагать, что первая система болѣе способствуетъ благосостоянію народному; и въ этомъ отношеніи не можетъ быть извиненіемъ отсталости этой оторванной части даже то обстоятельство, что другія области цѣлаго, къ которому она примкнула послѣ отторженія, развились болѣе потому, что правильная торговая политика государства, какъ и всякая другая, заключается въ томъ, чтобы никакая часть его не была приносима въ жертву другой. Равноправность мѣстностей есть такой же современный принципъ, какъ равноправность личная.

Но этого мало: новая политика проводитъ это начало равноправности даже и въ отношенія международныя. То время, когда на членовъ другаго государства смотрѣли, какъ на враговъ, проходитъ невозвратно, и гуманная идея сознательнаго общенія цѣлаго рода человѣческаго, подъ разными видами и въ разныхъ формахъ примѣненія, съ каждымъ днемъ получаетъ большее значеніе и приближается все болѣе и болѣе къ своему осуществленію.

Изъ формъ примѣненія этой идеи къ состоянію обществъ, недавняя современность представила намъ основанные на началахъ свободной торговли торгово-таможенные договоры, заключаемые въ настоящее время всѣми почти западными государствами. Не имѣя, по формѣ почти ничего нового сравнительно съ торговыми договорами вообще, они, по духу и сущности, составляютъ эру новаго порядка вещей. Вместо исключительности и упользованія (эксплуатациі), къ которой стремились прежніе трактаты, въ нихъ вѣтъ духъ общенія, расчетъ на увеличеніе числа участниковъ и на облегченіе всѣхъ международныхъ сношеній. Ничего нѣтъ удивительнаго, поэтому, что договоры эти распространяются между образованными государствами: въ нихъ заключается неотразимая сила притяженія, какъ во всемъ, что носитъ на себѣ печать связи между разрозненными силами природы. Они не противоставляютъ стремленія одного народа выгодамъ другаго, какъ протективные тарифы, а мирятъ ихъ взаимными уступками; не стараются образовать новые интересы между туземными производителями, обособляя ихъ отъ интересовъ потреби-

телей, а раздвигаютъ предѣлы сбыта, и тѣмъ улучшаютъ условія производства наиболѣе распространенныхъ и обнимающихъ собою наиболѣе труда отраслей производства въ странѣ, содѣйствуя въ то же время облегченію потребленія тѣхъ изъ чужеземныхъ произведеній, которые добываются тамъ съ наименьшими издержками.

Изъ этого слѣдуетъ, что они не убиваютъ какую бы то ни было изъ существующихъ отраслей промышленности. Самая форма условія даетъ имъ возможность принять въ соображеніе дѣйствительное ея состояніе и ея существенныя требованія, удовлетвореніе которыхъ можетъ мириться съ главной проводимой въ нихъ идеей международнаго сближенія. Торгово-таможенные договоры, заключенные до-сихъ-поръ, удовлетворяютъ такимъ требованіямъ, не усиливая, однако, ихъ, и не рождая новыхъ, трудно-удовлетворимыхъ надеждъ на новую протекцію. Отъ этого происходитъ болѣе естественное, сообразное съ истинными нуждами страны направлѣніе труда, болѣе рациональное употребленіе въ ней капиталовъ, и усиленіе соперничества, безъ котораго невозможенъ никакой успѣхъ и немыслимо широкое развитіе какого бы то ни было производства. Свѣжесть и сила пробиваются въ промышленности странъ, приступившихъ къ этому способу соглашенія взаимныхъ интересовъ въ такой мѣрѣ, которую прежде трудно было предполагать, что выказывается въ огромномъ увеличеніи обмѣна между договорившимися странами, свидѣтельствующемъ о массѣ и разнообразіи взаимно-удовлетворяемыхъ потребностей.

И эта система сдѣлалась, въ настоящее время, при существующихъ способахъ сношеній и сообщенія между образованными странами, почти неизбѣжною. При паровыхъ двигателяхъ и электрической передачѣ свѣдѣній, соединенной съ журнальной оглаской, нѣть почти никакой возможности держаться старыхъ таможенныхъ системъ безъ положительного урона для народа: сохраненіе тайны, соединенной съ монополіей, почти совершенно исчезло, равно какъ возможность народнаго уединенія. Концентрирующіяся силы образованныхъ народовъ приобрѣтаютъ такую быстроту развитія, которая превращаетъ переживаемые дни въ годы прежней жизни, по добываемымъ результатамъ, и такую экспансивность, которая насилино увлекаетъ въ свое теченіе самые отдаленные народы и вѣками замкнутые интересы. Отказываться отъ ихъ вліянія или слѣпо противодѣйствовать имъ въ настоящее время, значитъ почти отказаться отъ исторического значенія въ торговлѣ, заключающагося нынѣ не въ противоестественной эксплуатациіи другихъ, а въ обоюдно-выгодномъ пользованіи взаимными силами и средствами.

Тѣмъ неменѣе, однако, это направлениѣ, какъ все въ природѣ, получило не вдругъ фактическое преобладаніе и настоящее значеніе. Ему, какъ и всему, суждено перейти длинный рядъ звеньевъ, чтобы связать ихъ между собою достаточно крѣпкою связью, такъ точно, какъ придется подвергнуться многимъ преобразованіямъ и примѣненіямъ до полнаго осуществленія представляемой имъ идеи. Только шагъ за шагомъ, географически и экономически, оно идетъ въ Европѣ; и нынѣшнее распространеніе его еще — далеко не окончательное.

Оно достигло теперь, фактически, начавшись съ Запада, лишь средины этой части свѣта; но мы замѣчаемъ уже его тяготѣніе отсюда въ разныя стороны, и первый толчокъ его почувствовали мы, несмотря на наше уединеніе, вслѣдствіе того соединенія, которое происходитъ съ западными нашими сосѣдями желѣзною доро-гою. Мы получили уже первый зазывъ. Примемъ мы его или нѣтъ — это дѣло будущаго; но понять то, о чёмъ идетъ рѣчь, уразумѣть смыслъ совершающихся фактovъ, мы обязаны и для себя, и для на-шего потомства.

VII.

Протекціонисты, почти всѣ безусловно, признаютъ отвлеченную пользу и превосходство свободной торговли, отрицаю только *всегда* и *вездѣ* своевременность ея примѣненія *). Странность эта понятна въ виду тѣхъ личныхъ интересовъ, которые при этомъ бывають замѣшаны; но она не должна же быть принимаема при решеніи общаго вопроса, какого *направленія* должно *придерживаться* въ торговой политикѣ. Если — какъ признаютъ и протекціонисты — начала свободной торговли выше началь торговли стѣсненной, то, оставляя въ сторонѣ непосредственное примѣненіе, должно, естественно, стремиться къ нимъ, и, по-крайней-мѣрѣ, не увеличивать протекціи, если нельзя уменьшить ее. Въ противномъ случаѣ, это будетъ — ходъ назадъ; а такимъ ходомъ народъ преуспѣвать не можетъ.

Наши протекціонисты, однако, не понимаютъ этого: они не только

*) Ср. «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей» № 175.

желаютъ удержать за собою существующее покровительство, но намекаютъ на необходимость, «въ видѣ исключенія», увеличить пошлины на нѣкоторые привозные товары. Правда, они соглашаются, также въ видѣ исключенія, и на пониженіе нѣкоторыхъ пошлинъ, но только на «предметы недоступнаго для насъ производства» и «поступающіе въ общественное потребленіе безъ значительной предварительной обработки»; да и это еще допускаютъ только съ слѣдующей оговоркой: «Какъ скоро намъ докажутъ цифрами, что промышленность занимаетъ столько-то рукъ и капиталовъ, что, при своемъ освобожденіи, эти руки и капиталы безпрепятственно могутъ помѣститься тамъ-то, мы согласимся, что такое исключение свое-временно». Условіе не легкое, особенно тамъ, где такъ несовершенна статистика, какъ у насъ! Поставить такое условіе—значитъ отложить дѣло въ безконечно длинный ящикъ, чего желали и желаютъ всѣ проекціонисты на свѣтѣ. Всѣ они и всегда требуютъ неопровергимыхъ доказательствъ цифрами, забывая, что сами-то цифры не всегда бываютъ неопровергими и выходятъ часто изъ того положенія вещей, въ измѣненіи котораго предстоитъ необходимость, и что для пониманія и оцѣнки ихъ нужно знаніе, безъ котораго онѣ не имѣютъ смысла.

Цифры, напримѣръ, покажутъ уменьшеніе числа писчебумажныхъ фабрикъ или свеклосахарныхъ заводовъ; но это уменьшеніе можетъ сопровождаться увеличеніемъ производства и удешевленіемъ или улучшеніемъ продукта. Протекціонистъ будетъ выставлять первую цифру и требовать повышенія пошлины; но изслѣдователь безпристрастный сопоставитъ всѣ факты, и выведетъ, на основаніи научныхъ указаний, заключеніе не въ пользу протекціи, а въ пользу свободы, потому что такое положеніе промышленности, при которомъ она начинаетъ сосредоточиваться въ немногихъ рукахъ, свидѣтельствуетъ о ея зрѣлости и о необходимости расширенія соперничества въ ея области. И такихъ случаевъ можно представить много. Одного числа занятыхъ промысломъ рабочихъ рукъ никакъ нельзя признать мѣриломъ достаточнымъ для решенія вопроса. И безъ свободы торговли, вслѣдствіе техническихъ улучшеній, вслѣдствіе временныхъ и мѣстныхъ кризисовъ, вслѣдствіе измѣненія запроса и т. п., это число можетъ уменьшиться и часто дѣйствительно уменьшается. Противодѣйствіе ему было бы равносильно противодѣйствію народной жизни и промышленныхъ успѣховъ. Да и ни въ какомъ случаѣ старанье занять какъ можно болѣе рукъ не должно быть цѣлью рациональной промышленной политики. Не занятіе вообще, а занятіе производительное, т. е. возможно-мѣньшее при

возможно-большихъ результатахъ—вотъ истинная задача народнаго хозяйства; а въ этомъ отношеніи промышленная протекція вредить дѣлу: увеличивая относительныя усилия (занятія), она уменьшаетъ ихъ результаты, т. е. мѣру народнаго довольства. Поэтому-то ее и осуждаютъ всѣ развитые изслѣдователи дѣла, признающіе свободу торговли однимъ изъ сильныхъ орудій, для поднятія благосостоянія народа, сбереженіемъ его силъ и увеличеніемъ его потребленія.

И напрасно полагаютъ возможнымъ замѣнить эту силу чѣмъ-нибудь другимъ: все другое будетъ искусственно, слабо; слѣдовательно, недостигнетъ цѣли. Самая свобода труда, безъ свободы мѣны, можетъ привести къ идеямъ, недостойнымъ ни труда, ни свободы, какъ это мы видимъ у тѣхъ, которые, отклонившись отъ идеи свободнаго обмѣна, пристали къ знаменитой идеѣ — *организаціи свободнаго труда*, забывая, что если трудъ признается свободнымъ, то право организаціи должно быть *вполнѣ* ему предоставлено, и что—какъ органическій продуктъ органическаго дѣятеля — трудъ и не можетъ быть неорганизованнымъ.

Въ странномъ сопоставленіи словъ: «организація свободнаго труда», выражается тотъ же искусственный, неживой взглядъ на живое тѣло общественное, о которомъ мы уже говорили, и который никакъ не согласуется съ выводами, ежедневно добываемыми современнымъ знаніемъ изъ многостороннихъ изслѣдованій. Идея эта необходимо должна вызывать известныя требованія и условія, которыхъ недостаетъ въ современномъ обществѣ. Мы не станемъ въ настоящее время слѣдить за этими условіями, тѣмъ болѣе, что одно только изъ нихъ — свободу переселенія (внутри и внѣ) противники наши признаютъ еще неосуществившуюся въ Россіи; во всѣхъ другихъ условіяхъ пресловутой организаціи ставить Россію даже выше Запада. Чего же, въ такомъ случаѣ, бояться Запада? спросите вы, — объ этомъ знаетъ одинъ Богъ. Во всякомъ случаѣ, до окончательнаго допущенія закономъ полной свободы передвиженія и полной свободы труда, опредѣляемаго 49 годами (т. е. временемъ прекращенія обязательныхъ отношеній крестьянъ, по положенію 19-го февраля), не допускаются свободы торговли. Этотъ срокъ, вмѣстѣ съ срокомъ переоброчки и права отказа общества отъ части надѣла, онъ называютъ *предустановленными* периодами...

Мы не понимаетъ только, отчего такъ упорно не допускаютъ подобныхъ же *предустановленныхъ* периодовъ и для *полного* введенія свободной торговли. Если они придаютъ (что и справедливо) тавое

громадное значение крестьянской реформы и, что тоже справедливо, приводятъ съ нею въ связь идею свободной торговли, столько ей родственную, то отчего же не требуютъ по-крайней-мѣрѣ, первыхъ шаговъ, или хотя официального провозглашенія этой идеи, какъ сдѣлано во время дно — для великой реформы 19-го февраля, съ тѣмъ, чтобы дальнѣйшій шагъ (т. е. второе пониженіе пошлинъ) сдѣланъ былъ также чрезъ 9, третій — чрезъ 20, а окончательное полное ея введеніе послѣдовало хотя бы чрезъ 49 лѣтъ? Несмотря на перспективу полуѣковаго ожиданія, мы увѣрены, что изъ среды фригредеровъ ни одинъ голосъ не поднялся бы противъ такой комбинаціи, если только сдѣлано было бы при этомъ серьѣзное завѣреніе, что тѣнъ меркантильного покровительства не поднимется снова въ государственныхъ учрежденіяхъ. Спѣшить никто изъ нихъ не думаетъ, и не разсчитываетъ на проведеніе идеи мгновенно, ожидая всего отъ убѣжденія. Убѣжденіе это образуется не скоро; но, однажды проникнувъ въ массы, оно дѣлается силой, противъ которой не устоять никакіе предразсудки и частные интересы, какъ можно было видѣть въ дѣлѣ эманципаціи крѣпостнаго сословія. А что убѣжденіе въ пользу и настоятельности свободной торговли начинаетъ уже появляться, это видно даже изъ частнаго признанія, что «отъ свободной торговли личные землевладѣльцы (*черноземныхъ и степныхъ мѣстностей*) выигрываютъ, потому что отпускъ хлѣба, вѣроятно, увеличился бы нѣсколько при свободѣ торговли, а мануфактурныя издѣлія, во всякомъ случаѣ, получались бы дешевле изъ-за границы».

Это признаніе вынуждено прямымъ заявленіемъ мнѣнія одесского комитета, и потому — ограничивается только югомъ Россіи, и притомъ земледѣльческою его полосою. Но, не говоря уже о томъ, что въ такомъ же точно положеніи, касательно этого вопроса, находится и полоса скотоводства, доставляющая сырье продукты для вѣнѣній торговли, и что черноземная земледѣльческая полоса, не ограничиваясь однимъ югомъ Россіи, подходитъ довольно близко къ самому центру европейской половины имперіи, слѣдовательно, обнимаетъ громадные интересы, которые приходится приносить въ жертву другимъ частямъ государства,—мы, сверхъ того, должны замѣтить, что въ такомъ же положеніи находится и весь обширный востокъ имперіи, страдающій отъ протективной системы безлюдемъ и промышленнымъ застоемъ, и крайній сѣверъ ея, постоянно упадающій въ своемъ торговомъ развитіи и благосостояніи, а отчасти и западъ, раздражаемый подчиненіемъ центральной промышленности. Пренебрегать выгодами всей этой безмѣрной окраины имперіи едва ли

расчетливо, особенно при томъ соображеніи, что отъ системы охранительной самыи центръ (а не сѣверъ) получаетъ болѣе номинальный, чѣмъ существенный барышъ. Если дѣйствительно земледѣліе здѣсь не оказывается особенно прибыльнымъ для народа, то и фабричная промышленность мало обогатила его. Здѣсь обогащаетъ счастливцевъ торговля и спекуляція; а фабричное дѣло только поддерживаетъ населеніе, играя роль подспорья, которое всегда найдется и всегда будетъ, при свободной системѣ торговли даже еще болѣе, чѣмъ теперь. Оно будетъ только въ менѣе истощающей народный трудъ формѣ, именно въ занятіяхъ обще-выгодныхъ (какъ, напримѣръ, обработка собственнаго сировья), а не приносящихъ барышъ однѣмъ съ урономъ для другихъ. Вѣдь обработка льна, кожъ, сала и проч. не ждала же у насъ протективной системы, и эта система не подняла, а уронила ихъ! Притомъ самое земледѣліе, при обращеніи на него отянутыхъ въ покровительствуемые промыслы капиталовъ, при настоящей необходимости въ нихъ, и въ этой полосѣ поднялось бы и развилось. Специальная производства: гусицкое (хмѣля), ростовское (дикорія), подновское (огурцовъ) и проч., болѣею частію возникшія до протекціи, показываютъ, что и въ земледѣльческой промышленности могутъ быть найдены источники обогащенія и благосостоянія для края.

Вообще, если обратить вниманіе на состояніе промышленности нашей вообще, то можно увидѣть, что она, какъ все наше хозяйство, слишкомъ экстенсивно. Мы бросаемся на все, не соображая нашихъ силъ и средствъ—все хотимъ заводить, все улучшать, забывая, что въ каждомъ производствѣ требуется известная, опредѣленная доля труда и капиталовъ для того, чтобы оно было дѣйствительно выгоднымъ. Разумѣется, легко заставить платить за плохое дорого; но эта плата составляетъ уронъ для плательщика и для народа, потому что нормальная цѣна можетъ быть опредѣлена только свободнымъ договоромъ вольной мѣны, а для назначенія такой цѣны нужно удаленіе протекціи, которое необходимо у насъ, чѣмъ гдѣ-либо, при слабости нашихъ силъ для широкаго производства. Въ удаленіи, въ обособленіи дѣйствій и потребленія, мы не увеличимъ своихъ силъ, а только ослабимъ ихъ. Законъ соединенія труда (или силъ) тѣмъ плодотворнѣе, чѣмъ онъ болѣе осуществляется, и при немъ слабѣйший не проигрываетъ въ дѣлѣ, а выигрываетъ. Сближеніе, узы общенія представляютъ болѣе интереса и даютъ болѣе выгодъ тому, кто менѣе развитъ, нежели тому, кто развитъ болѣе, по простому закону уравненія температуры въ двухъ соединяющихся

тѣлахъ. Если дѣйствительно мы ниже Запада въ промышленномъ развитіи, то должны уже поэтомъ искать сближенія и соединенія съ нимъ, а не отдаленія отъ него. При этомъ сближеніи, подготавляемомъ рядомъ общественныхъ преобразованій, проводимыхъ въ благодатное для Россіи нынѣшнее царствованіе, всѣ отрасли труда и промышленности найдутъ себѣ долю крѣпости и питанія, потому что законъ солидарности ихъ не подверженъ сомнѣнію.

Не можетъ развиться обрабатывающая промышленность тамъ, гдѣ плоха добывающая, какъ не можетъ процвѣтать добывающая тамъ, гдѣ плохи ремесла, гдѣ не интересуются наукой, гдѣ терпитъ отъ стѣсненій торговля. Свидѣтельство о потерѣ при настоящей системѣ со стороны землевладѣльцовъ юга есть уже само по себѣ—приговоръ противъ пользы и practicalности самой системы. При свободѣ торговли, при истинно-вольной мѣнѣ услугъ, никто не теряетъ и не можетъ терять, кроме тѣхъ, кто жилъ или живетъ злоупотребленіемъ и нарушеніемъ правильнаго порядка вещей.

Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ принести свобода торговли для нашей промышленности? Новый запросъ для стороны, добывающей сировье и живность, новое предложеніе для потребленія. Неужели это такъ гибельно?..

Наше земледѣліе страдаетъ въ настоящее время отъ владѣнія, болѣею частью неполнаго, частью неотчуждаемаго, и во всякомъ случаѣ ограниченаго и непрочнаго, вслѣдствіе современаго переходнаго состоянія. Оно жалуется на недостатокъ труда и отсутствіе капиталовъ, ищетъ специального знанія и умѣнья, которымъ могли бы увеличить доходность и полезность обрабатываемаго пространства.

Усиленіе запроса на его продукты должно измѣнить всѣ эти условія: возвышеніемъ поземельнаго дохода, оно дастъ возможность расширить знанія, привлечетъ людей и капиталы изъ-за границы и дастъ прочность и устойчивость собственности, которыхъ она не имѣла и не можетъ имѣть при стѣсненномъ положеніи сбыта и колеблющихъ шансахъ производства, источаемаго искусственнымъ отвлечениемъ талантовъ, денегъ и рукъ отъ земледѣльческаго занятія. Увеличеніе населенія должно быть первымъ слѣдствіемъ.

• Такіе же результаты должны послѣдовать и въ обрабатывающей промышленности, съ тою только разницею, что развиваться и процвѣтать будутъ пока не тѣ отрасли ея, которая получаютъ сировье изъ-за границы, или которая изготавливаютъ произведенія для потребленія меньшинства, а тѣ, которая основаны на отечественномъ сировѣ.

и которая опираются на широкое потребление массы народонаселения, потому что, при каком бы ни было естественномъ положеніи края, всегда выгодно обрабатывать свое самому, если только есть для того довольно силь и средствъ; а силы и средства увеличатся при свободной торговлѣ отъ увеличенія поземельного дохода. При ней и къ обработкѣ туземныхъ продуктовъ потекутъ знанія, капиталъ и трудъ из-за моря, какъ вездѣ они стремятся туда, гдѣ находится подъ рукою материалъ, и гдѣ обеспечено пользованіе плодами трудовъ. Бояться въ этомъ отношеніи соперничества иностранцевъ такъ же странно, какъ бояться соперничества въ доставкѣ намъ хлѣба.

Трудъ и капиталъ ищутъ наиболѣе выгоднаго помѣщенія, и если выгодно будетъ обрабатывать продуктъ на мѣстѣ, они всегда обращаются къ этой обработкѣ. Выгодѣ этой до-сихъ-поръ мѣшаетъ, кромѣ мѣръ повсюду господствующаго протекціонизма, непрочность (вследствіе малодоходности) владѣнія, недостатокъ труда, знанія и капитала; но всѣ эти условія, какъ мы указали, должны улучшиться именно вслѣдствіе измѣненія политики вѣнѣшней мѣны. Правда, это, можетъ быть, произойдетъ не вдругъ; но, вѣдь, гг. протекціонисты сами проопредѣляютъ терпѣніе и ненавидятъ поспѣшность. Да притомъ и свободная торговля не можетъ быть введена мгновенно.

Нѣчего при этомъ и говорить, что собственно торговая промышленность должна безконечно выиграть отъ примѣненія къ ней истинныхъ началъ свободы, что она увеличится отъ нихъ въ своемъ объемѣ и распространеніи, пріобрѣтетъ новыхъ дѣятелей и новыя познанія, сильнѣе свяжетъ разрозненные части общества и получитъ болѣе капиталовъ въ свое распоряженіе. Одинъ этотъ результатъ, неоспоримый по своей ясности, стойтъ уже усилий и частныхъ жертвъ, еслибы онѣ и были; но, кромѣ того, мы знаемъ, какое громадное вліяніе развитіе торговли вообще оказываетъ на кредитъ. Въ настоящее время мы жалуемся на недостатокъ его, и не замѣчаемъ, что причина заключается въ той стѣсненности положенія, въ которомъ находится наша торговля, и той напряженности и разбросанности средствъ, которая влечетъ за собою искусственное направленіе промышленности: кредитъ убивается у насъ протекціей.

Но если терпѣть отъ нея кредитъ торговый и частный вообще, то еще болѣе страдаетъ кредитъ государственный. Исторія доказываетъ, что государственный кредитъ былъ слабъ почти вездѣ по мѣрѣ того, какъ следовали покровительственной системѣ, и усиливался по мѣрѣ связей съ другими народами; онъ родился въ Италии въ эпоху ея широкой торговли, и не привился къ основателю континентальной си-

стемы, несмотря на воинскую его славу и силу. Любя миръ и опасаясь борьбы, онъ не слѣдуетъ за бранною политикой отчужденія, и всегда наградитъ довѣріемъ того, кто откроетъ двери широкому, свободному обмѣну.

Останавливаться ли намъ еще на томъ, что свобода мѣны международной окажетъ также благодѣтельное вліяніе на умственную дѣятельность и образованіе въ народѣ, который усвоить себѣ ея начала? Сама идея свободной мѣны предполагаетъ уже въ себѣ идею такой же мѣны невещественнымъ производствомъ, вольную мѣну свѣдѣній, знаній, мнѣній; но, кроме того, устраненіе формальностей и задержекъ, при взаимныхъ сношеніяхъ, должно усилить ихъ скорость и увеличить ихъ обоюдную пользу, а прекращеніе произвольныхъ поводовъ къ ненормальному соперничеству уничтожитъ тотъ враждебный антагонизмъ, въ который считаютъ себя обязанными становиться почти всѣ современные, такъ-называемые образованные народы...

Неужели, въ виду этихъ несомнѣнныхъ результатовъ предполагаемаго нами порядка вещей, результатовъ, которые должны поднять и освѣжить наши народныя силы и доставить имъ участіе и пользованіе въ общечеловѣческомъ труде, мы будемъ удерживаться отъ принятія *направленія* из-за заботы о единичныхъ потеряхъ, самая вѣроятность которыхъ доказана быть не можетъ? Мы уважаемъ признанныя права, глубоко сочувствуемъ страданиямъ, кѣмъ бы они ни ощущались; но не понимаемъ образа дѣйствій тѣхъ теоретиковъ, которые, для избѣженія *будущаго* и *временного* страданія немногихъ, хотятъ оставлять въ силѣ или даже увеличивать *настоящее* и *постоянное* страданіе большинства населения, цѣлой массы потребителей и *производителей* коренныхъ промысловъ страны.

Сверхъ того, мы думаемъ, что, при разумномъ введеніи предполагаемой системы свободной мѣны, есть возможность даже вовсе избѣжать потерь отъ ложно употребленныхъ при прежней системѣ капиталовъ. Эта возможность открывается въ мѣрѣ и способѣ проведенія принятой въ руководство идеи. Такъ никто не можетъ сказать, чтобы введеніе свободной торговли, совершенное *постепенно* въ теченіе полу столѣтія, какъ мы указали выше, могло быть вредоносно для какой-нибудь фабрикаціи, такъ же точно, какъ никто не могъ бы жаловаться на потери, еслибы было рѣшено понижать ежегодно пошлины, напримѣръ, по копейкѣ, до совершенного ихъ уничтоженія; а между тѣмъ въ этихъ мѣрахъ идея свободной торговли уже осуществилась бы,

и мы медленно, но постоянно приближались бы къ тому положенію, которое считаемъ лучшимъ и наиболѣе выгоднымъ.

Но, оставляя эти общія мѣры и допуская возможность потери даже отъ нихъ, мы все-таки не понимаемъ боязни войти, на основаніи началъ свободной торговли, въ таможенный договоръ съ тою или другою державою. Вѣдь свободную торговлю всѣ признаютъ вѣрною и хорошею въ идеѣ; не допускаютъ ее только на практикѣ, вслѣдствіе неравенства соперничества. Свободный договоръ между вольными народами именно и даетъ возможность взвѣсить взаимное положеніе и обоюдныя выгоды договаривающихся народовъ и уравнять эти шансы совмѣстничества. Заранѣе опредѣленныхъ нормъ для этихъ договоровъ верховной власти дано быть не можетъ, и она является полновластною рѣшительницею и судьею положенія.

Чего же бояться или избѣгать договоровъ? Вѣдь естественно, что, при обсужденіи положенія *двухъ* только сторонъ, можно многое оставить, что постановлено въ видахъ противодѣйствія и охраны отъ *многихъ* конкурентовъ; то, въ чемъ мы боимся французовъ или англичанъ, можетъ быть недоступно нѣмцамъ, и т. д. Но, сверхъ того, есть много формальностей и условій сношенія, завѣщанныхъ намъ инымъ до-желѣзнодорожнымъ и до-телеграфнымъ періодомъ европейской жизни, много такихъ положеній, которые измѣнились или измѣняются, вслѣдствіе эманципаціи съ одной стороны, распространенія товарищескаго духа съ другой. Отчего же не измѣнить ихъ?

Наконецъ, покровительствуемыя отрасли промышленности уже прошли не мало времени подъ охраной. Не можетъ же быть, чтобъ въ теченіе этого времени *ни одна* изъ нихъ *ни на іоту* не укрѣпилась и не требовала бы большаго побужденія расширеніемъ конкуренціи. Отчего же не открыть имъ соперничество путемъ осторожнаго, частнаго привлеченія совмѣстниковъ со стороны? Все это и безопасно, и возможно, а—въ виду экономическихъ выгодъ, которая тѣлько откроются въ будущемъ, и тѣхъ политическихъ интересовъ, которые мы укрѣпимъ и привлечемъ внутри и внѣ нашей территоріи,—такая мѣра можетъ быть въ высшей степени благо-дѣтельной. Во всякомъ случаѣ—«попытка не пытка», скажемъ мы, какъ могли бы сказать авторы нѣмецкаго предложенія: «спросъ не бѣда».

VIII.

Торгово-таможенные договоры, по образцу послѣдняго англо-французского, всѣми экономистами признаются выгодными для странъ, ихъ заключающихъ; но для того, чтобы понять ихъ значеніе и дѣйствительную важность, необходимо имѣть ясное представлѣніе о торговлѣ, ея свойствахъ и вліяніи. Отъ этого зависитъ правильный судъ о нихъ, а слѣдовательно и расположеніе въ ихъ пользу или противъ нихъ.

Къ сожалѣнію, основныя понятія о торговлѣ еще очень извращены въ публикѣ вообще, и особенно въ нашей. Нѣкоторые свободу промышленности и свободу торговли, различаютъ между собою, какъ двѣ противоположности. Свободу промышленности снисходительно допускаютъ, но отрицаютъ свободу торговли. Это, естественно, происходитъ отъ взгляда на общественное устройство не какъ на живой продуктъ живаго тѣла, а какъ на искусственное соединеніе неорганическихъ веществъ. Трудъ также, по мнѣнію ихъ, не живая, разумно дѣйствующая сила, а камень въ углу (*искусственнаго*) зданія.

Всѣ свои предположенія протекціонисты основываютъ на слѣдующемъ «общемъ правилѣ», считаемомъ ими «неопровержимой аксиомой». «Чѣмъ большую сумму труда, необходимаго во всѣхъ пріемственныхъ операціяхъ, превращающихъ всякий подѣлочный матеріаль въ окончательное издѣліе или въ продуктъ непосредственнаго пользованія или удовлетворенія человѣческихъ нуждъ, известный народъ съумѣлъ, по мѣстнымъ своимъ условіямъ и степени напряженности собственныхъ усилій или трудолюбія — удержать за собою, тѣмъ значительнѣе результаты его промышленной дѣятельности и для него самого благотворнѣе.»

Странная аксиома, по которой выходитъ, что чѣмъ болѣе усилія стойтъ народу его существованіе, тѣмъ ему лучше; и чѣмъ болѣе онъ приготовляетъ самъ для себя, тѣмъ лучше, хотя бы это приготовленіе ему было труднѣе, чѣмъ другимъ народамъ, и хотя бы меньшихъ усилій стоило приобрѣтеніе продукта мѣною на другой трудъ. И все это въ видахъ не благосостояния протекц. въ Россіи.

нія, а усиленія промышленной (въ смыслѣ материального производства) дѣятельности! Главное выходитъ — трудъ, усилія, а не довольство народа. Если, напримѣръ, какая-нибудь сѣверная страна съумѣетъ удержать за собою производство, во всѣхъ преемственныхъ operaціяхъ, колоніальныхъ товаровъ, что необходимо ей будетъ стоить огромной *массы труда*, то она увеличитъ результаты своей промышленной дѣятельности. Потому хорошо бы развести у насъ чайныя и кофейныя плантациіи, хлопокъ и ананасы, и вообще все, что потребуетъ *побольше труда* и *усилій*! Вотъ что значитъ выходить изъ точки зрењія не удовлетворенія потребностей нашихъ и потребленія (которое составляетъ цѣль и вѣнецъ всякой дѣятельности), а изъ точки зрењія увеличенія усилій и производства — не пользы, а массы вещей! Это все тотъ же взглядъ на общественное развитіе, который образовался изъ домашнихъ нуждъ, и окрѣпъ въ техническихъ мастерскихъ, при которомъ забывается цѣль производства, а форма дѣятельности заслоняетъ ея сущность.

Не мы, однако, станемъ говорить противъ «начала свободной промышленности» (*liberté du travail*), отсутствіе котораго есть рабство, но считаемъ ошибкой утвержденіе, по которому «свобода торговли есть реальное явленіе, которое можетъ въ данную эпоху быть и не быть, приносить известному народу пользу, а другому вредъ». По нашему мнѣнію, свобода торговли, какъ торговой промышленности (*liberté du travail commercial*), есть такой же принципъ вѣчный, неизмѣнныи и святой, какъ и свобода всякой другой промышленности, которая тоже въ данную эпоху можетъ быть и не быть, приносить одному народу пользу (если промышленность естественна въ странѣ), а другому вредъ (если она искусственно возбуждена въ немъ и поддерживается насчетъ другихъ промысловъ). Исторія именно подтверждаетъ наши заключенія. Свобода всѣхъ отраслей промышленности (въ томъ числѣ и торговой) идетъ необходимо равномѣрно. Тамъ где были касты, рабство, цехи, где, следовательно, не существовала свобода воздѣлывающей и обрабатывающей промышленности, тамъ и торговая промышленность подчинялась запрещеніямъ (какъ въ Египтѣ), ограниченіямъ по мѣсту и способу веденія ея, по правамъ лицъ, ею занимавшихся (какъ вообще въ древности и средніе вѣка), которые дѣлали ее несвободною, и тѣ же вѣка, которые видѣли возникновеніе и развитіе цеховъ, родили и холили торговыя гильдіи и запретительную систему. Такъ точно, какъ съ другой стороны — идеи свободной торговли вели съ собой и идеи свободного труда, а освобожденіе труда вызывало стремленія къ свободному обмѣну.

Первые экономисты французские прошлого столѣтія, называемые физіократами, требовали не одной свободной торговли, но и свободы труда вообще, и самъ терминъ *свобода труда, liberté du travail*, составляетъ славу сторонниковъ вольной торговли, такъ же точно, какъ и новые англійскіе фронтредеры не ограничивались борьбою съ хлѣбными законами, а нападали вообще на привилегіи, мѣшающія простору народной дѣятельности и производительности.

Если въ нѣкоторыхъ странахъ свобода торговли, повидимому, какъ бы и отстала въ извѣстной степени отъ свободы другихъ отраслей промышленной дѣятельности, то причина этого заключается болѣе въ неправильности наблюденія, нежели въ самомъ фактѣ. При системѣ покровительствующихъ таможень, въ странѣ, обыкновенно, и для обрабатывающаго труда существуютъ разныя ограниченія, стѣсненія добывающей и видоизмѣняющей промышленности, то въ формѣ сословныхъ правъ владѣнія, то въ условіяхъ національности производителя, съ общимъ или мѣстнымъ исключеніемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, то въ законахъ, ограничивающихъ права свободной дѣятельности и самоустройства рабочихъ, какъ съ другой стороны, при полной свободѣ добывающаго и обрабатывающаго труда, можетъ существовать, напримѣръ, только фискальная, но уже не охранительная система торговли вѣнѣніей. Примѣровъ въ исторіи много: только нужно безпристрастно искать и понимать ихъ. Полная эманципація англійского рабочаго привела къ отменѣ хлѣбныхъ законовъ и навигаціонного акта; первый шагъ къ практическому осуществлѣнію свободной торговли во Франціи ведетъ къ дозволенію стачекъ рабочихъ, то-есть къ ихъ свободѣ.

Впрочемъ, и сторонники запретительной системы допускаютъ иногда и свободу торговли. «Очевидно—говорятъ они—что свободная торговля возможна только тогда, когда всѣ трудовые единицы народнаго организма, порознь или соединившись въ общество, артели, наиболѣе заняты, выработали наибольшій просторъ для своей дѣятельности»...

Но что свободная торговля *возможна* и при другихъ условіяхъ, этого не станетъ отрицать ни одинъ здравомыслящій человѣкъ, понимающій значеніе слова: возможно. Оспаривать можно ея выгоду, пользу, но никакъ нельзя отрицать возможности ея введенія и существованія вездѣ, гдѣ есть миръ и порядокъ. Сверхъ того, положеніе, при которомъ всѣ трудовые единицы были бы «наиболѣе заняты»—немыслимо,

еслибъ оно даже было ясно. Не говоримъ уже о томъ, что въ каждой странѣ всѣ рабочіе заняты быть не могутъ (есть изъ нихъ больные, есть преступники, есть, наконецъ, отдыхающіе или перемѣняющіе занятіе на болѣе выгодное); не говоримъ также, что выраженіе *наиболѣе*, какъ относительное, не опредѣляетъ ровно ничего; но кромѣ того, это положеніе трудно мыслимо въ обществѣ свободномъ и развитомъ: вѣдь человѣкъ живетъ и трудится не для безконечныхъ занятій, а для приобрѣтенія довольства, и *наибольшія* занятія для *всѣхъ*—есть удѣлъ не общества, достойнаго свободной торговли, а каторги, и невозможны безъ горькихъ страданій.

Даже тѣ признаки, по которымъ думаютъ отличить такое зрѣлое для свободной торговли состояніе страны, не могутъ служить для того достаточнымъ указаніемъ и находятъ препятствіе къ своему проявленію въ самой протективной системѣ. Первый изъ нихъ — *повсемѣстно* высокая задѣльная плата, какъ *постоянное* явленіе, не можетъ существовать при протективной системѣ (что мы указали уже прежде). Система эта покровительствуетъ не рабочихъ, а капиталистовъ, и притомъ не во всѣхъ отрасляхъ труда, а только въ нѣкоторыхъ, находящихся не повсемѣстно, а въ извѣстныхъ центрахъ. Если даже, поэтому, задѣльная плата и повышается *на первый разъ* въ этихъ отрасляхъ, то все-таки это повышеніе не можетъ быть *повсемѣстнымъ* въ государствѣ; *постояннымъ* оно также не можетъ быть по указанной уже нами причинѣ—по стѣсненности сбыта, производящей наклонность покровительствуемой промышленности къ периодическимъ кризисамъ.

Второй признакъ — *возвышенный* доходъ съ недвижимой собственности, встрѣчаетъ себѣ также препятствіе въ охранной системѣ, обращенной къ выгодамъ фабрикантовъ. Система эта стѣсняетъ вѣнчаную торговлю и, ограничивая сбытъ сырыхъ произведеній, тѣмъ содѣйствуетъ не увеличенію, а уменьшенію поземельного дохода. Притомъ она препятствуетъ увеличенію населенія, ограниченіемъ сношеній съ другими странами, умаляетъ потребленіе и запросъ, а отъ этого снова терпитъ доходъ съ недвижимыхъ имуществъ.

Значительныя накопленія народныхъ сбереженій, какъ третій признакъ, также при системѣ охранительной образоваться не могутъ, потому что эти накопленія составляютъ слѣдствіе *избытка* средствъ надъ потребленіемъ; а система протекціи, возвышая цѣны потребляемыхъ предметовъ и уменьшая ихъ количество, дѣлаетъ

менѣе вѣроятнымъ образованіе такого избытка въ формѣ «монетныхъ цѣнностей и кредитныхъ бумагъ», которыя, впрочемъ, не всегда означаютъ накопленіе капиталовъ, а скорѣе рановременную ихъ затрату.

Значительное же распространеніе машинныхъ (т. е. механическихъ) двигателей, какъ четвертый признакъ, также имѣетъ болѣе вѣроятія распространенія тамъ, гдѣ существуетъ уже свобода торговли, слѣдовательно, усиленное соперничество съ лучшими производителями, и далекія торговыя и промышленныя связи, нежели въ странахъ протекціи, отнимающей болѣшею частію побужденіе и по-водь къ улучшеніямъ и распространенію производства.

Если эти явленія (и то отчасти) мы и видимъ въ странахъ, опередившихъ насъ, особенно въ Англіи, то преимущественно въ послѣднее время, когда покровительство таможенное стало уже ослабѣвать, и говорить, что эти результаты достигнуты путемъ протекціи, такъ же странно, какъ приписывать ихъ тѣмъ войнамъ, которые были ведены въ это время, или религіознымъ и политическимъ переворотамъ, которымъ подвергались государства, и которые задерживали, а не усиливали ростъ промышленности.

Но еслибъ даже и признать нѣкоторуюгодность протективныхъ мѣръ для развитія избранныхъ родовъ производства, то все-таки изъ этого не слѣдуетъ, чтобы не было другихъ лучшихъ мѣръ, и что мы должны удерживать протекцію, такъ точно, какъ польза дорогъ шосейныхъ въ одномъ мѣстѣ не говорить противъ желѣзныхъ въ другомъ, и не заставлять удерживать шосейныя, когда можно построить желѣзныя. Если англичане на парусныхъ судахъ проникли впервые въ Индію, а теперь отправляются туда на пароходахъ, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы и мы туда могли проникнуть впервые только на парусныхъ судахъ, или чтобы мы не приступали къ постройкѣ пароходовъ, пока не построимъ числа судовъ парусныхъ, равнаго англійскимъ.

Идея свободнаго обмѣна, по нашему мнѣнію, такое же великое открытие, какъ изобрѣтеніе книгопечатанія, примѣненіе пара, электричества и т. п. Эта идея заключаетъ въ себѣ и идею свободы труда, промышленности, и идею свободы торговли, раздѣльность которыхъ можетъ видѣть только то болѣзnenное зрѣніе, для котораго все двоится... Собственная жизнь наша, какъ и жизнь всѣхъ людей и всѣхъ народовъ, доказываетъ это на каждомъ шагу. Остановите обмѣнъ какаго-нибудь продукта, и вы уничтожите его производство

промышленное (для сбыта), а безъ такого производства невозможно широкое и полное удовлетвореніе нашихъ потребностей. Но, сверхъ того, остановка обмѣна одного продукта производить соответствую- щую остановку другаго (потому что мѣна состоитъ изъ двухъ сто- ронъ и двухъ мѣняемыхъ предметовъ или услугъ); остановка при- воза къ намъ равносильна остановкѣ вывоза отъ насъ; выгоды од- нихъ (покровительствуемыхъ) производителей сопровождаются потерями другихъ (непокровительствуемыхъ).

И народы инстинктивно давно поняли это: къ свободной между- народной торговлѣ тяготѣли дѣйствія ихъ съ первого напора вар- варскихъ племенъ до образованія между ними таможенныхъ сою- зовъ и тѣхъ территоріальныхъ слитій, которыхъ произошли въ Италіи, а въ Германіи предотвращены только Цольферейномъ. Рядъ комер- ческихъ трактатовъ, ходъ смягченія тарифовъ, и наконецъ, быстрое распространеніе торгово-таможенныхъ договоровъ свидѣтельствуетъ объ этомъ стремленіи. Свобода внутренней промышленности даже болѣею частью высказывалась только, какъ видъ и отраженіе этого стремленія. Приводимое иными бѣгство іудеевъ изъ Египта есть слѣдствіе существованія въ этой странѣ запретительной системы, по которой не допускаемы были въ страну даже чужie корабли и иностранцы. Возстаніе илотовъ — результатъ той же политики, закрещавшей торговлю и сношенія съ иностранцами; крикъ голодныхъ пролетаріевъ: «le travail ou la mort» — слѣдствіе протектизной системы, искусственно привлекшой рабочихъ къ фабри- кациіи и стѣсненіемъ сбыта отъ ограничения торговли и репрессалій доведшей ихъ до голода и отчаянія. Знамя Ричарда Кобдена — правда, не новое, но вѣрное: выйти изъ подъ него можно, но съ собствен- ной потерей и съ рискомъ вдаваться въ застой и отсталость.

Для слѣдованія этому знамени, по нашему мнѣнію, нѣтъ нужды ждать непонятнаго простора свободного внутренняго развитія. Развитіе одно, и одна свобода: гдѣ нѣтъ свободы внѣшняго развитія, или гдѣ нѣтъ этого развитія, тамъ нѣтъ и внутренняго, и наобо- ротъ; а о просторѣ этого развитія и говорить нѣчего. Какой же можетъ быть просторъ тамъ, гдѣ должно исключительно брать какое-нибудь желѣзо у Ивана, который отъ меня на краю свѣта, въ дале- кихъ горахъ, вмѣсто Джона или Олафа, живущихъ отъ меня рукой подать по водному пути? Какая можетъ быть свобода развитія, когда я не могу потребить ничего по своему произволу, ни произвести въ размѣрахъ, въ какихъ бы могъ, по запасу своихъ силъ и массъ

требованій; когда могу потреблять только туземное, дорогое, слѣдовательно меныше, и сбыть только своему брату, что утѣшительно, но невыгодно?

Правда, на дѣлѣ это бываетъ не такъ: въ страну протекціи приливаютъ и Джоны, и Олафы, и Микели, но тогда я переплачиваю все-таки не своему брату, и наживается не тотъ народъ, къ которому я принадлежу, хотя все это совершается внутри государства... Взглядъ крѣпостной, географической, къ сожалѣнію, все еще не искоренился изъ нашихъ привычекъ и убѣжденій, и, несмотря на опытъ вѣковъ и событий, многіе увѣреи, что всякий французъ или грекъ, работающій въ Турціи, тѣмъ самымъ уже турокъ. Явились нѣмцы у паши, наработали ему за большія деньги бездѣлушки—и вотъ кричатъ о *внутреннемъ* развитіи его пашалыка, а между тѣмъ колоніи Англіи, или Германіи, на какомъ-нибудь поморѣ, все-таки не составляютъ туземья, и ихъ развитіе не свидѣтельствуетъ еще о дѣйствительномъ, народномъ, внутреннемъ развитіи страны, даже въ отяошеніи экономическомъ. Выставки этихъ странъ будутъ пестрѣть иноземными именами, протекція дастъ наживу и средства этимъ именамъ, а средства дадутъ имъ силу и власть: экономическая протекція выдвинетъ политическую и административную, и територія, на которой пріютилась колонія, будетъ обращаться болѣе и болѣе въ ея данницу и принадлежность. Истинного развитія для массы народа такъ же при этомъ трудно ожидать, какъ при всякой ограничительной и стѣснительной мѣрѣ.

И примѣръ на лицо: первая промышленность, получившая у нась покровительство, была химическая—именно аптеки. Существуютъ онѣ у нась подъ строгой охраной отъ конкуренціи давно; но много ли найдется русскихъ, знакомыхъ съ этимъ дѣломъ, и много ли, кроме внѣшности, подвинулось это дѣло съ его введенія у нась? Но, оставивъ это обидное—по мнѣнію многихъ—примѣненіе слова промышленность, обратимъ вниманіе на любое производство въ странѣ, покровительствуемой выше степени ея дѣйствительнаго развитія.

Промышленность-то въ ней является, но интелигенція этой промышленности, ея движущая сила—принадлежитъ въ сущности не ей. Кромѣ коренныхъ, именно этой системой угнетаемыхъ производствъ, промышленность охраняемая обыкновенно попадаетъ въ руки эксплуататоровъ иного племени, или подъ видомъ полныхъ хозяевъ, или подъ видомъ ея ближайшихъ руководителей, которые выпустятъ ее изъ-подъ своего вліянія не раньше, какъ къ тому времени, когда и

безъ того обстоятельства (капиталъ, трудъ и знанія) развились бы въ странѣ достаточно для принятія этой отрасли промышленности. Но зато какъ сдавлены и страдаютъ коренные народопитательныя производствы, и какъ страдаетъ страна отъ продолжительного искаженія естественныхъ стремлений и направленія! Неравенство и мѣстами низкая зароботная плата, бездоходность имѣній, отсутствіе капиталовъ и машинъ, которыя замѣчаются у насъ, имѣютъ первымъ своимъ корнемъ систему, которой слѣдуетъ наша промышленность.

Свобода торговли неизбѣжно подниметъ доходъ съ нашихъ земель, впервыхъ, увеличивъ запросъ на ихъ продукты, и слѣдовательно, повысивъ цѣны ихъ, во вторыхъ, понизивъ цѣны на предметы мануфактурные и на металлическія издѣлія, столь необходимыя въ земледѣліи. Количество же рукъ, оторванныхъ отъ земледѣлія, навѣрное не уменьшится потому, что покровительствуютъ *не все* отрасли обрабатывающей промышленности, и многія изъ нихъ ожидаютъ только капиталовъ и знанія, отвлеченныхъ къ привилегированнымъ промышленностямъ, чтобы возрасти и распространиться. Если же при этомъ будетъ болѣе лицъ, обрабатывающихъ землю только для собственного продовольствія, то о такихъ лицахъ, какъ благосостоятельныхъ, и сожалѣть не должно, тѣмъ болѣе, что и для общаго сбыта можно много ожидать отъ ихъ *подспорныхъ* трудовъ. Что же касается до увѣренія, что «запросъ хлѣба за границу не увеличится много оттого, что ввезутъ къ намъ на нѣсколько миллионовъ лишнихъ товаровъ», то оно заслуживаетъ вниманія. Что запросъ *увеличится*, это несомнѣнно; увеличится ли онъ *много*, это будетъ зависѣть отъ нашего труда и состоятельности торгующихъ съ нами народовъ; но, во всякомъ случаѣ, если нѣтъ расчета въ товарахъ на нѣсколько миллионовъ, то не понимаемъ, отчего такъ превозносятъ систему, которая ихъ не допускаетъ. Нѣчего и говорить при этомъ, что *потери труда*, при вольной торговлѣ между людьми свободными и нелишенными разсудка, нельзѧ логически представить.

Трудъ чрезъ свободную торговлю получить болѣшее питаніе тѣмъ, что она *привлечетъ* къ намъ иностранные капиталы: если эти капиталы «до-сихъ-поръ къ намъ приходили для открытия фабрикъ, земель же немного купили иностранцы, несмотря на разрѣшеніе», то это, впервыхъ, потому, что фабрики у насъ покровительствуютъ на счетъ земледѣлія, слѣдовательно, земледѣліе представляетъ сравнительно менѣе выгодъ, во вторыхъ, потому, что разрѣшеніе на приобрѣтеніе иностранцами земель явилось еще недавно, а для фа-

бикъ оно существуетъ уже давно. Но, сверхъ того, иностранные капиталы могутъ поступать не только чрезъ пріобрѣтеніе (далеко не вожделѣнное) нашихъ земель, а также чрезъ ссуды, и примѣръ почти сегодняшній поземельного кредита отъ иностранцевъ показываетъ, что капиталы этимъ путемъ могутъ приливать къ намъ из-за границы.

Что касается машинъ, то увеличеніе привоза ихъ при введеніи свободной торговли также болѣе вѣроятно. Утвержденіе, что ихъ не повезутъ къ намъ больше, такъ какъ и теперь привозъ ихъ безпошлинный, невѣрно потому, что не безпошлинность вызываетъ ихъ въ страну, а потребность въ нихъ и состоятельность народа; а то и другое будеть болѣе при свободной торговлѣ, которая, естественно, составляетъ часть свободы промышленности. Система, покровительствующая избраннымъ промышленностямъ, препятствуетъ усиленію народной дѣятельности, какъ съ другой стороны, стѣсняя международныя сношенія, задерживаетъ образованіе, этотъ «первый и единственный стимулъ народнаго трудолюбія». Желать искренне того и другаго, и оставлять въ силѣ охранительную систему, также нерационально, какъ надѣяться при ней на осуществленіе полной внутренней свободы промышленности, невозможной безъ свободы промышленности торговой. Въ отношеніи къ русской промышленности, принимая во вниманіе естественныя богатства страны и даровитую смыщенность народа, свобода торговли можетъ, безспорно, даровать просторъ трудовой дѣятельности и утвердить свободу въ другихъ отрасляхъ промышленности уже потому, что дастъ болѣшій сбытъ сырьемъ произведеніямъ края, слѣдовательно, расширить кругъ ихъ производства и устранитъ неравенство положенія промысловъ удаленіемъ привилегій для производствъ, неимѣющихъ глубокихъ корней въ странѣ. Задѣльную плату она также увеличитъ, открывъ повсемѣстно источники заработка, поднятіемъ свойственныхъ разнымъ мѣстностямъ производствъ, удаливъ интересъ въ пониженіи этой платы, всегда существующій для покровительствуемыхъ хозяевъ-капиталистовъ, а главное, удешевленіемъ удобствъ и потребъ жизни, которыми и измѣряется эта плата.

Что же касается сокращенія фабрикъ, котораго боятся отъ введенія у насъ свободной торговли, то это было бы возможно только при *внезапномъ* примѣненіи ея началъ, о которомъ никто не говоритъ; но, при постепенномъ и осторожномъ проведеніи этихъ началъ—весма легко уберечь отъ такой катастрофы уже существующіе ин-

тересы, и торгово-таможенные договоры, по нашему мнѣнію, даютъ къ тому средства: они признаютъ идею и приводятъ къ ней страну по мѣрѣ возможности. При этомъ является полная увѣренность, что число фабрикъ не сократится, а увеличится, потому что увеличится производство, хотя, можетъ быть, иныхъ, чѣмъ прежде, предметовъ: падутъ, и то со временемъ, только тѣ заведенія, которыхъ будутъ плохи и не могутъ существовать безъ *постоянно-возрастающей* проекціи; но есть ли интересъ и поддерживать ихъ?

О ДИФЕРЕНЦІАЛЬНЫХЪ ПОШЛИНАХЪ.

Однимъ изъ главныхъ основаній правильной торговой политики должно, безспорно, считать равенство условій между производящими торгъ. Къ этому стремятся въ настоящее время всѣ образованныя государства, уничтожая различнаго рода исключенія и привилегіи, которыми такъ было богато старое время какъ относительно внутренней, такъ и относительно внѣшней торговли. Почти вездѣ мы встрѣчаемъ теперь одинаковыя правила и одинаковыя ограниченія для товаровъ, несмотря на мѣста ихъ происхожденія и на лица, ведущія ими торгъ. Существовавшая прежде почти повсемѣстно разница (диференція) между товарами, привозимыми на своихъ или на чужихъ судахъ, кореннаго происхожденія изъ страны, ихъ высылающей, или привозимыхъ транзитомъ изъ другихъ колоніальныхъ (изъ своихъ колоній), или собственно иностраныхъ, и т. п., исчезла почти изъ всѣхъ тарифовъ для пользы торговли и потребленія. Осталась только въ нашемъ тарифѣ разница пошлинъ между товарами, привозимыми сухимъ путемъ и ввозимыми моремъ, основанная на большихъ издержкахъ провоза первымъ сравнительно со вторымъ путемъ.

Этимъ образуются диференціальные пошлины, противъ которыхъ вооружается рижскій комитетъ, въ своемъ мнѣніи о германо-русскомъ торгово-таможенномъ договорѣ.

Вопросъ объ этихъ пошлинахъ важенъ самъ по себѣ для странъ, гдѣ онѣ еще существуютъ; но особенно онъ приобрѣтаетъ значеніе при обсужденіи мѣръ и направленія нашей торговли съ Германіей, поставленномъ нынѣ на очередь. Примыкая непосредственно къ нашей територіи на огромномъ пространствѣ, Германія, или,

правильнѣе, Прусія, является наиболѣе заинтересованною этой разницей пошлинъ: она *почти исключительно* пользуется выгодами, оттого происходящими.

Не принадлежа къ тѣмъ, которые полагаютъ, что выгоды одного народа въ торговлѣ необходимо соединены съ невыгодами, урономъ для другаго, мы, однако, не понимаемъ, отчего предоставлять эти выгоды однимъ народамъ, отнимая ихъ отъ другихъ, для чего *покровительствовать* въ этомъ отношеніи географическому положенію странъ.

По-крайней-мѣрѣ, для насть, для народа, установляющаго на своихъ границахъ пошлины такого рода, въ этой разницѣ не представляется положительно никакой выгody, особенно въ настоящее время. Для производителей, какъ и для потребителей нашихъ, важны качество товара и цѣна его, во ни въ какомъ случаѣ, не путь, имъ пройденный. Какое мнѣ дѣло, прибыль ли кофэ моремъ, или сухимъ путемъ, если онъ хорошъ и удовлетворяетъ моимъ требованиямъ: главное для меня, чтобы онъ былъ возможно лучше и возможно дешевле.

Другое дѣло для странъ, прилежащихъ къ намъ, напримѣръ, Пруссіи. Ей положительно выгодно подвергаться, по большинству своего вывоза къ намъ, мѣньшей пошлинѣ, и, неудивительно, что она стоитъ за это исключительное положеніе. Диференціальными пошлинами такого рода нашъ тарифъ положительно *покровительствуетъ немцамъ* (Пруссіи и Австріи) противъ естественной конкуренціи народовъ, торгующихъ съ нами моремъ. Это покровительство, безъ всякой пользы кому бы то ни было изъ нашихъ соотечественниковъ (исключая немногихъ жителей западной нашей границы), особенно приобрѣтаетъ значеніе, со временемъ проведенія въ нашемъ сосѣдствѣ желѣзныхъ дорогъ, фактически уменьшающихъ разницу въ цѣнѣ, сравнительно съ морскимъ, сухопутнаго провоза.

Эта мѣра, вызванная старымъ положеніемъ вещей, измѣнившемся вслѣдствіе новѣйшаго развитія путей сообщенія, представляется теперь какъ-бы направленною противъ благосостоянія и развитія нашихъ портовыхъ городовъ, и результатъ ея выражается въ искусственномъ направленіи нашихъ торговыхъ сношеній. Прусія чрезъ нее значительно усилила транзитную свою торговлю, привозя къ намъ почти на 6 м. р. с. чая, около 3 м. другихъ колоніальныхъ товаровъ, на два миллиона слишкомъ шелку сырца и т. п., не говоря о множествѣ полуобработанныхъ и вполнѣ обработанныхъ произведеній, которыхъ, вѣроятно, надолго останутся за нею и безъ дѣфе-

ренціальнихъ пошлинъ. Австрія стремится занять то же положеніе въ отношеніи къ внѣшней торговлѣ нашей, и, при диференціальныхъ пошлинахъ, опираясь на расширяющуюся сѣть своихъ желѣзныхъ дорогъ, не замедлитъ достигнуть своей цѣли.

Санктпетербургскія Вѣдомости, разсматривая такое положеніе Пруссіи, приходятъ къ слѣдующему дословно выписываемому нами выводу: «Еслибъ Прусія ввозила *свои* произведенія и продавала ихъ дешевле, то перевѣсъ баланса на сторонѣ ввоза съ ея стороны могъ бы означать цвѣтущую эпоху нашихъ торговыхъ сношеній. Но если Прусія требуетъ отъ насъ звонкой монеты (?), взамѣнъ колоніальныхъ произведеній и своихъ мануфактурныхъ издѣлій, тогда какъ съ Англіей, Франціей и Сѣверной Америкой прямая сношенія наши такъ не развиты, что ихъ ввозъ къ намъ далеко меныше вывоза, то (?) звонкую монету лучше переплачивать государствамъ, имѣющимъ возможность доставлять нужные намъ продукты и дешевле и лучше. А средства для этого, если не понижать тарифа (?), заключаются только въ непредоставленіи Таможенному Союзу рѣшительно никакихъ привилегій предъ другими державами и въ направлениі желѣзныхъ дорогъ преимущественно на югъ и востокъ Россіи, для связи внутреннихъ рынковъ съ портовыми городами, а не съ сѣстью германскихъ дорогъ». На основаніи же *общихъ* условій нашей отпускной торговли, признаютъ «необходимость огражденія внутренней промышленности, какъ единственного средства къ накопленію народнаго капитала».

Мы, съ своей стороны, приходимъ къ совершенно иному выводу: видя въ настоящемъ ненормальномъ положеніи нашей торговли съ Прусіей слѣдствіе *протективной* системы тарифа, принимающей на себя уравненіе неуравненныхъ условій производства, считаемъ необходимымъ и настоятельнымъ измѣненіе этой системы. Ларчикъ открывается просто. Если Прусія и эксплуатируетъ насъ, то эксплуатируетъ вслѣдствіе *нашей* же ошибки, предоставляемой ей болѣшія выгоды, нежели какими пользуются другія, ведущія съ нами торговлю страны. Эти болѣшія выгоды предоставляются ей (или Таможенному союзу), не какъ странѣ, торговья отношенія которой вообще изъяты изъ общихъ правилъ, а происходятъ вслѣдствіе географического ея положенія (наравнѣ съ Австріей и даже Турціей); фактически же пользуется ими почти она одна. Слѣдуетъ ли изъ этого, что Таможенный союзъ не въ правѣ расчитывать на болѣшее еще торговое сближеніе съ нами? Кажется, нѣтъ: на такое, какъ теперь, *исключительное* положеніе въ отношеніи къ нашему тарифу, Союзъ, ра-

зумѣется, не имѣть никакого права; но на расширение и облегченіе сношеній вообще, *наравнъ съ другими странами*, онъ можетъ имѣть право, и такое облегченіе ни мало не противорѣчить правильно-понимаемыи нашимъ интересамъ. Направленіе же нашихъ желѣзныхъ дорогъ къ соединенію съ германскими—одно изъ средствъ къ тому.

Необходимо удалить устарѣлое *привилегированное* положеніе нашихъ континентальныхъ сосѣдей по отношенію къ платежу намъ пошлинъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы *вообще* не улучшить и не сдѣлать болѣе доходною нашу пошлинную систему, пониженіемъ размѣра сборовъ, могущихъ чрезъ то увеличиться въ своемъ объемѣ на пользу правительства и народа.

Эти мѣры могутъ быть произведены одновременно, но могутъ также осуществиться и порознь. Даже не понижая тарифа вообще, однимъ уравненіемъ его мы произведемъ значительное въ немъ улучшеніе, поставимъ торговлю нашу на болѣе рациональный путь, и дадимъ ей болѣе самостоятельное, независимое положеніе. Мы, поэтому, считаемъ *отмѣненіе диференциальныхъ пошлинъ*, т. е. *уни-
чтоженіе разницы тарифа по привозу чрезъ сухопутную границу и
моремъ*—первой и настоятельною потребностью въ нашемъ тарифѣ. Мѣра эта, желаемая всѣми портовыми городами, можетъ оказать благодѣтельныя дѣйствія для нашей торговли и промышленности.

Но, уничтожая эту разницу, необходимо решить вопросъ: должно ли принять за норму морскую или сухопутную поштину изъ существующихъ нынѣ въ нашемъ тарифѣ, т. е. возвысить ли сухопутную, или понизить морскую?

Такъ какъ размѣръ морского привоза обыкновенно превышаетъ сухопутный, то казалось бы, что поштину, взимаемую по привозу моремъ, должно принять за норму, и повысить до ея размѣра сухопутную; но, принимая въ соображеніе географическое положеніе наше и существующіе пути сообщенія на континентѣ Европы, нельзя не признать, что такое решеніе было бы положительно несправедливо. Значительная часть нашего производительнаго края находится въ болѣе близкомъ положеніи къ прусскимъ, нежели къ отечественнымъ портамъ, и провозъ къ нимъ из-за границы товаровъ сухимъ путемъ при низшей поштинѣ выгоднѣе, нежели изъ нашихъ портовъ, при взиманіи въ нихъ вышаго сбора. Это положеніе еще усилится въ томъ же смыслѣ, распространеніемъ сѣти желѣзныхъ дорогъ въ Пруссіи и Австріи, и новыми соединеніями съ ними нашихъ путей въ то время, какъ соединеніе внутренней Россіи съ отечественными пор-

тами идетъ медленно и слабо. Уже въ настоящее время можно у насъ считать главною, опредѣляющею издержки провоза, цѣну товара на границѣ сухопутной, а не морской: еще болѣе это будетъ со временемъ. Для потребителя и фабриканта Москвы, и теперь едва ли не важнѣе кёнигсбергскія, данцигскія, бременскія (а скоро будутъ и триестскія) цѣны, нежели петербургскія и одесскія. Изъ иностранныхъ портовъ, благодаря улучшеннымъ путямъ, снабженіе можетъ быть производимо часто скорѣе и дешевле, нежели изъ отдаленныхъ отечественныхъ.

Если при этомъ настоящій тарифъ признается достаточнымъ для охраны туземной промышленности самими протекціонистами, то ясно, что морскія пошлины у насъ слишкомъ высоки. Промышленность наша (обрабатывающая) почти вся на материкѣ: перегрузка и провозъ къ ней сухопутьемъ неизбѣжны; при всякомъ требованіи иностранного сировья и въ каждомъ случаѣ соперничества представляется нынѣ возможнымъ и часто болѣе выгоднымъ получить продуктъ чрезъ Мемель, Гданскъ (Данцигъ) и т. п. съплатой низшей пошлины, нежели платить высшую пошлину въ Санктпетербургѣ, Ригѣ или Архангельскѣ. И это даже для сѣверныхъ губерній. Мы не говоримъ о южныхъ, почти вовсе лишенныхъ искусственныхъ путей къ южнымъ портамъ, и въ то же время ежегодно придвигаемыхъ желѣзно-дорожною линіей, опирающеюся на Петербургъ, все къ той же западной германской сѣти.

Понижение морскихъ пошлинъ до размѣра сухопутныхъ, поэтому, есть мѣра въ высшей степени естественная и рациональная, не угрожающая никакимъ серьезнѣмъ интересамъ, справедливая въ отношеніи уравненія правъ торгующихъ, восстановляющая естественное направленіе торговли, которое можетъ облегчить нашу промышленность во многомъ и освободить ее отъ ненормального преобладанія континента Европы, приведя ее въ прямую связь съ широкимъ міровымъ торжищемъ, и въ то же время это былъ бы первый шагъ въ дѣлѣ истинной свободы торговли. Поэтому мы ее ждемъ, и желаемъ, чтобъ она имѣлась въ виду при заключеніи всѣхъ торговыхъ договоровъ нашихъ съ другими странами.

ЛИТЕРАТУРА:

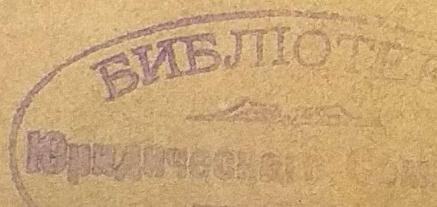
- S. Dudley North. Discourses upon trade. L. 1691. 4.
- Jos. Child. Discourse on trade. L. 1693.
- Melon. Essai politique sur le commerce. P. 1734. 12.
- Forbonnais. Elemens du commerce. P. 1754. 12.
- J. Tucker. The elements of commerce etc. 1755. 4.
- Considerations sur le commerce etc. Amst. 1758. 12.
- J. B. A vindication of commerce and the arts. L. 1758. 8.
- Condillac. Le commerce et le gouvernement. Amst. 1776. 12.
- S. Ricard. Traité général du commerce, ib. 1781. 4.
- New and old principles of commerce compared. L. 1784. 8.
- Arnould. De la balance du commerce. P. 1791. 8.
- J. B. C-te d'Arco. Dell'influenza del commercio sopra i talenti e costumi. Cl. it.-P. M. XXXI.
- Niemeyer. Ideen über Ursachen, Fortschritte und Wirkungen der Handlung. Hannov. 1796.
- J. Leslie Forster. An essay on the principles of commercial exchanges. L. 1804. 8.
- Laboulinière. De l'influence d'une grande révolution sur le commerce. P. 1808. 8.
- J. Mill. Commerce defended. L. 1808. 8.
- Geier. Versuch einer Charakteristik des Handels. Würzb. 1825.
- V. Jacob. Grundriss der Handelswissenschaft. Halle. 1828.
- A. v. Mylius. Der Handel etc. Köln. 1829.
- Murhard. Theorie und Politik des Handels. 1831.
- Mac Culloch. On commerce, its principles and history. L. 1833. 8. Его же. Dictionaries of commerce.
- Blanqui, A. Chevalier etc. Dictionnaire du commerce et de marchandises. P. 1842. 8.
- Scialoja. Industria e protezione. Nap. 1844.
- J. Garnier. Sur le commerce, l'accaparement, l'approvisionnement, le change, les operations de bourse et l'agiotage въ его Notes etc. P. 1865.

Василевского. Разсуждение о торговлѣ. Спб. 1808.

Руководство по части торговли вообще. Спб. 1814.

Детенгофа. Общий составъ торговли или теоретико-практическое руководство въ познанію торговыхъ наукъ. Съ нѣмец. б. Ю. Корфъ. Спб. 1833.

Ив. Вавилова. Бесѣды русскаго купца о торговлѣ. Спб. 1844. 8.

Дозволено цензурою. Санктпетербургъ, 15-го іюня 1865 года.

1031-5

ЗВІРЕНЬ-69

8-3

Въ типографии А. А. КРАЕВСКАГО, (Литейная, № 38).